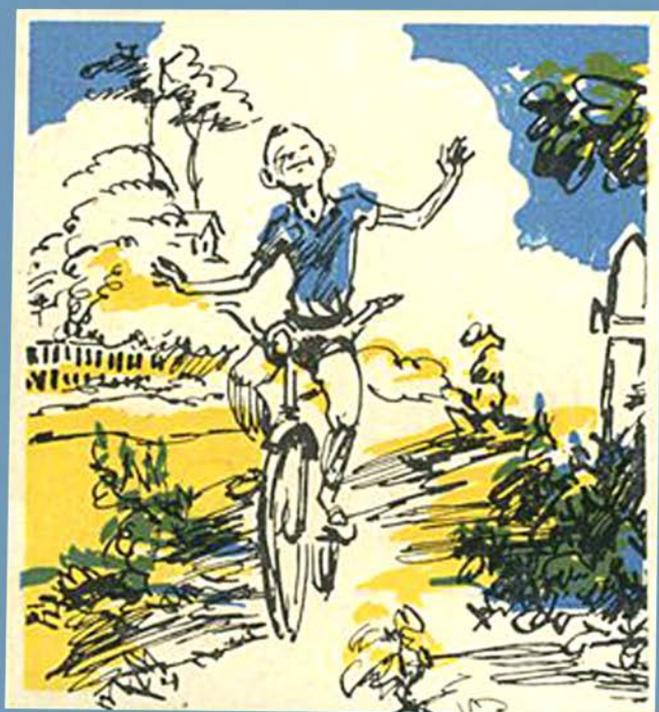

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Ради́й Погоди́н

—

МУРАВЬИНОЕ МАСЛО

РАДИЙ ПОГОДИН

МУРАВЬИНОЕ МАСЛО

Рассказы

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1968

Погодин Радий Петрович родился в 1925 году в деревне Дуплёво Калининской области. В 1927 году семья Погодина переехала в Ленинград. До начала Великой Отечественной войны Р. П. Погодин закончил восемь классов. В конце 1941 года был эвакуирован с матерью из блокадного Ленинграда на Урал. Жил там в детском доме, работал кочегаром, монтером, помощником мельника. В 1942 году ушёл на фронт и находился в рядах Второй Гвардейской танковой армии до конца войны, командовал экипажем бронетранспортёра. После войны работал слесарем-сборщиком, мастером на ленинградском заводе «Линотип». Писать начал в 1952—1953 годах: вначале очерки для детских радиопередач, потом рассказы. Первый рассказ его, «Мороз», опубликован в четвёртом номере альманаха молодых ленинградских писателей «Дружба».

В книгу «Муравьиное масло» входят четыре рассказа, разных по характеру. Есть среди них чисто юмористические, где в центре стоит смешной эпизод, забавный случай, происшедший с ребятами; есть лирические и, наконец, приключенческий, давший название всему сборнику.

Действие рассказов происходит в наши дни. Перед читателем раскрывается светлый детский мир, предстают ребята — озорные, порой трогательные, мечтающие о больших и славных делах.

Рисунки В. Ладыгина

МОРОЗ

Мороз всё зажал в свой ледяной кулак. Домá, казалось, теснее прижались друг к другу. Словно вымазанные извёсткой, белели никогда не замерзавшие стёкла витрин. Кусты в сквере топорщились колючими снежными шипами. Воздух стал жёстким, а затаившийся под холодными арками ветер появлялся на улице только вслед за автобусом или стремительной легковушкой.

Толик вышел с Петькой Шапкиным из школы и тотчас сморщился:

— Ух ты!.. Холодина! Даже в носу щиплет.

— Морозик,— задрав кверху голову, заявил Петька. Он сощурил глаза, внимательно оглядел небо.— Вот завтра завернёт, носа на улицу не покажешь!

— Не завернёт,— возразил Толик.— Балтийское море... Мороз долго не держится.— Подбородок у Толика мелко дрожал, сам он сгорбился, засунул руки в рукава и, зажав портфель под мышкой, пританцовывал вокруг солидного широколицего Петьки.

— Много ты знаешь,— снисходительно заявил Петька.— Балтийское море... А смотри, небо над крышами зеленоватое и дым свечкой стоит!

— Пускай стоит,— пробормотал Толик в воротник,— а у меня уже руки отваливаются.

— Закаляться нужно было.— Петька сунул приятелю свои толстые меховые рукавицы.— Возьми, живо согреются... Да ты бей рука об руку, не стой, как мокрая курица.

Пока Толик хлопал себя и по бокам и по груди, отогревая застывшие пальцы, Петька подбежал к обледенелой стене школы и ногтем вывел:

«Завтра занятий не будет. Мороз»,— подул в кулаки, глянул ещё раз на небо и крикнул:

— Пусть мои уши отмёрзнут, если вру!

— Т-точку поставь,— простучал зубами Толик.

Ребят то и дело обгоняли прохожие. Все отчаянно торопились. Один Петька шёл не спеша; щёки его алели, изредка, будто невзначай, он передвигал шапку с одного уха на другое. Толик тёр рукавицами щёки и приговаривал:

— Ух... продрог... Д-даже... с-спинну... ломит!

— Ага,— захрипел Петька, храбро вытягивая посиневшую шею,— ещё не верил, что завтра мороз... Вот бы тебя в тайгу.

— А з... ..зачем мне туда?

— Чтобы там одним сугробом больше стало,— засмеялся Петька.— Приходи ко мне.

— Мёрзнуть-то,— ответил Толик, вбегая в парадную.

— Печку затопим! — крикнул ему вдогонку Шапкин.

Откуда-то с верхнего этажа вместе с грохотом каблуков до него донеслось: «Без меня не начинай!» А звонкое эхо, словно в насмешку, прокричало у чердака: «Ай!.. Ай!..»

Приятели жили рядом, но к Петьке Толик попал поздно. Мама убирала квартиру и заставила его натирать пол.

— В двенадцать бы ещё пришёл! — встретил Толика Шапкин.— Я уже в айсберг превратился... В дрейфующую льдину... Что это у тебя? — ткнул он приятеля в торчавшие из-за пазухи тетради.

— Арифметика и естествознание...

— А... завтра,—махнул рукой Петька.—Идём, я тебе индейский способ растопки покажу: при любом ветре одной спичкой!

— Тебе мама растопит,—ухмыльнулся Толик.

— Мне? — Белые Петькины брови возмущённо столкнулись на переносице.— Да ты знаешь, какая у меня мама? Она... Она мне, как себе, доверяет.— Светлая полоска насупленных бровей разошлась.— Она после работы в вечерний институт поехала. Намёрзнется,— добавил он неожиданно тёплым голосом.— А мы печку затопим. Приедет — тепло.

В печке уже лежали сложенные костром дрова. Петька встал на колени, взял пучок тонких лучинок, приготовленных на растопку, и настрогал их по-особенному — ёлочкой.

— Делай ветер! — скомандовал он Толику, воткнув лучинки между поленьями.

Толик неистово замахал у Петькиного плеча тетрадками.

— Ты меня не обмахивай, я ещё не вспотел. На дрова дуй.

Петька чиркнул спичку и тотчас спрятал огонёк, сложив ладони фонариком. Огонёк трепетал в ладонях, а ловкие Петькины пальцы светились... Лучинки вспыхнули. Огонёк, как живый, побежал по ним дальше, дальше, к дровам.

— Здорowo! — восхищённо прошептал Толик.— Как это ты?

— Ветер давай! — прикрикнул Петька.— Разговоры потом.

Толик снова замахал. Огонь вцепился в сухие бока поленьев, защёлкал, загудел, унося в трубу красные хвосты искр.

— Что, видал? Я в любую погоду костёр разожгу.

— И в дождь?

— И в дождь,—уверенно кивнул Петька. Он пошёл к выключателю, погасил свет.— Ишь гудит, как настоящий... таёжный. Ты побудь, я сейчас, мигом...

В темноте красноватое пламя действительно напоминало костёр. Смолистые дрова пахли лесом. Огненные блики

метались по комнате, превращая обычные предметы в странные, колеблющиеся тени.

— Спальные мешки вот,— вынырнул из темноты Петька,— возьми твой... В тайге без мешков могила.

По мохнатому воротнику Толик узнал своё пальто.

— Какой же...

— Соображай,— остановил его Петька таинственным шёпотом,— мы с тобой у костра вроде геологи-следопыты. Кругом тайга, кедры... а мы руду ищем, и ничего нам не страшно.

Толик придвинулся ближе к товарищу. Ему вдруг показалось, что в зеркале шкафа, напоминающего сейчас мрачный утёс, сверкнули красные глаза притаившегося зверя.

— Сейчас мы эту берлогу обложим,— командовал Петька, ползая на четвереньках вокруг письменного стола.

— Чем? — с готовностью спросил Толик.

— Ну, облаву сделаем, собак, значит, нужно, — пояснил Петька.— Ты давай... лай.

— Авв-ав,— стыдливо твякнул Толик.

— Да разве так медведя дразнят! — рассердился Петька.— Так только болонки на мух лают. Смотри, как надо: р... р... р, гав-гав! Ув-в, гав! — оглушительно загрохотал он простуженным басом и, подвывая, полез в «берлогу». — Лезь за мной!

— Я лучше стрелять буду.

Петька зарычал по-медвежьи, пронзительно взвизгнул и кубарем выкатился из-под стола.

— Стреляй! Не видишь — я раненый!

Толик щёлкнул языком, крикнул «бах!» и для верности смазал Шапкина по спине.

— Кого бьёшь! — завопил Петька.

Но Толик уже сидел на нём.

— Убил, убил! — захлёбывался он от восторга.— Сейчас шкуру снимать будем!

— Я вот тебе сниму! — вывернулся Петька.— Я тебе сейчас... С таким напарником только на кошек охотиться.— Он посопел, сердито глядя на Толика, и добавил примирительно: — Ну ладно, в тайге всякое бывает. Только делай мне первую помощь.

Печка уже протопилась, когда Толик вспомнил про тетради.

— Уроки-то, Петя! — сказал он упавшим голосом.

— Ну и что, уроки! Ничего, завтра сделаем. Мороз-то!..

Пошевелив угли кочергой, Петька развалился на своём спальном мешке.

— По естествознанию нас уже спрашивали, по русскому тоже. Медвежатинки бы сейчас зажарить... Любишь медвежатину?

— Люблю, только я её никогда не пробовал.

— И я не пробовал.— Петька мечтательно сощурился.— Вкусная, должно быть...

— Петь, только вдруг завтра в школу?..

— Да что ты заладил? Сказано — завтра мороз будет, и всё...— Но, чувствуя, что Толик не очень-то верит, Петька нехотя полез к окошку.— Воздух нюхаю: самый таёжный способ предсказывать погоду,— объяснил он, пыхтя у открытой форточки.

Морозный пар медленно опускался по стене на пол.

— Ну, сколько нанюхал?..

— Гра...градусов тридцать,— дрожа от холода, но стараясь сохранить глубокомысленный вид, объявил Петька.— Сейчас будем золото искать, промывку делать... А может, алмазы?..

— Алмазы,— выбрал Толик.

• • •

Утром Толика разбудили чьи-то холодные руки.

У дивана в растёгнутом пальто стоял Петька. В руках он держал свой выдавший виды портфель, лицо его было угрюмым.

— Ты чего?.. Случилось что-нибудь?

Петька отвёл глаза и кивнул головой на окно. За оттаявшим стеклом медленно кружились крупные хлопья сырого снега.

— Вот тебе и дым свечкой! — растерянно прошептал Толик.

ШУТКА

Родители привезли Колю Уральцева на край земли, в самый северный отдалённый посёлок. Горсточку слабых огоньков увидел Коля с аэродрома. А вокруг этих тёплых, живых огоньков увидел Коля Уральцев громадную ночь, неподвижную и торжественную. Небо в звёздах, как в орденах, и чёрная мгла без конца и без края. От такого вида у Коли в носу защипало. В голове и в груди у него образовалась громкая пустота.

«Ух ты...» — подумал Коля Уральцев, втянул уши в воротник, перевязанный толстым маминым шарфом, и долго потом молчал.

Не было у Коли бабушек, которые пахнут оладьями и клубничным вареньем. Не было у Коли дедушек, которые позже всех спать ложатся и раньше всех поднимаются поутру. Был

Коля один у родителей, и родители у Коли были одни — мать да отец. Не с кем было его в Ленинграде оставить.

Родители определили своего единственного дорогого сына в школу-интернат, в первый класс. Сами залезли в железный вездеход и укатили по ночному снегу ещё дальше на Север. Там, на пустом берегу, в деревянной избушке предстояло им поселиться для научной работы.

О своём сыне справлялись они по радио. На зимовках всё узнают по радио: и последние новости, и насчёт работы, и о здоровье своих ребятишек.

Затерялись избы-зимовки по островам да по каменным берегам Ледовитого моря. Летом волны грохочут, вольная жировая птица промышляет рыбу, кричит, сытая, на ветру. Зимой — тишина. Иногда снег перемёрзший звенит. Или вьюга задует. Дует долго и ломится в двери. И всё равно тишина, потому что нет в голосе вьюги живого звука.

Приедет зимовщик из тундры, накормит собак, скинет меховую одежду, отдохнуть возле печки сядет, а по радио говорят:

«Слушайте, слушайте. Передаём сообщение о вашем сыне Коле. Первоклассник Коля Уральцев получил две пятёрки и одну тройку. Поведение у него хорошее. Здоровье отличное».

Сидят мать и отец на зимовке перед горячей печкой, думают о своём сыне единственном.

Коля о них тоже думает.

Выйдет на крыльцо и думает. «Вон там,— думает,— в темноте под Полярной звездой родители мои зимуют, изучают самую верхнюю оболочку Земли, где рождается северное сияние».

Возникает в вышине окно. Непонятное и прекрасное. Будто другие жаркие планеты посылают своё тепло нашим людям. И леденеет это тепло в замороженном редком воздухе, сверкает во тьме разноцветное и ещё не разгаданное.

Когда Коля смотрел на сияние, стужась на сквозном ветру, он казался себе меньше самой маленькой неподвижной кочки. И это было приятно ощущать — как огромен мир и как трудно в нём разобраться. И как всё-таки необходимо обо всём думать и всё увидеть своими глазами...

Жил Коля Уральцев с двумя мальчишками в комнате. Одного звали Лёнька. Был этот Лёнька промыслового охотника сын. Другого мальчишку звали Санька. Этот был сыном радиста. Оказались они все трое ровесниками-первоклассниками. Про всех троих шли родителям на зимовки хорошие радиogramмы. Но случился день, о котором в радиogramмах не сообщалось. О котором и Лёнька, и Санька, и Уральцев Коля вспоминать не хотят, но всегда помнят.

Был этот день воскресенье.

Санька привёл в гости малого своего брата из детского сада. Звали малого брата Стасом. И когда Санька его привёл, и когда они уже поиграли немного, и уже собрался Санька отводить Стаса обратно в его круглосуточный детский сад, по радио объявили метеосводку: мол, идёт непогода — пурга.

В пургу ветер воеет так жутко, словно кончается на земле его лихая, бродячая жизнь. В пургу ветер дует так сильно, что лётчики привязывают самолёты к специальным крепким столбам.

Люди из домов выходить опасаются. Свалит ветер человека, ударит о камни, засыплет снегом — БЕДА!

Большим и малым это известно.

Только герой-первоклассник Лёнька к метеосводке отнёсся странно — легкомысленно, одним словом.

— Парни,— сказал он отважным голосом,— побежали быстрее на остров! Там сегодня кино интересное будут показывать.

А до острова три километра через голый пролив по льду. Коля ему напомнил:

— Как же так? Ведь пурга.

— До пурги успеем. Мы ходко побеем.

— Мне нельзя,— сказал Санька.— У меня Стас в гостях. Он толстый, закутанный. Он быстро не может.

— Я побыстрее всех могу,— сказал Стас.— Только я не согласен. Я сейчас спать захотел.

Лёнька обрадовался:

— Ну и ложись. Ну и спи. Нам без тебя ещё лучше. Мы одни побеем.

Коля представил себе пролив, тёмный и голый, очень удобный для ветра. Представил Коля, как ветер их повалил, закатил в ледяные щели и снегом засыпал. Стало ему жутко. Он ещё раз Лёньке напомнил:

— Пурга ведь.

— А ты, Уральцев Коля, не суйся,— сказал Лёнька.— Ты на Севере сколько живёшь? А мы здесь уже давно живём. Кто лучше знает?

— А я не могу одного Стаса оставить,— сказал Санька.— Мне его под честное слово дали. Может быть, я его ещё в детский сад проводить успею.

Тогда Лёнька посмотрел на них на всех свысока.

— Труссы,— сказал он,— вот вы кто. Вот не ожидал. Стас, а ты первый трус, хоть и родился на Севере.

Стас немножко надулся.

— Я не трус,— сказал он.— Я маленький.

По радио объявили, что пурга подошла совсем близко к посёлку, и велели всем, всем из домов не выходить. А тем, кто ещё был в пути, приказали торопиться изо всех сил в укрытые от ветра места.

Санька пригорюнился.

— Опоздали. Придётся тебе, Стас, у нас оставаться.

— А мне всё равно,— сказал Стас.— Только вы не очень шумите. Я спать буду сидя.

И тут Лёнька придумал.

— Знаете,— сказал он,— давайте напишем записку, будто мы все вчетвером ушли на остров кино глядеть. А сами оденемся и под кроватями спрячемся. Все напугаются, а мы тут как тут — все целые.

— Давайте,— сказали Санька и Коля.

Подумали они в этот момент только о том, что не нужно им по проливу идти. Не станет их пурга с ног валить. Не укатит в Ледовитое море.

— И не шумите,— сказал Стас.— Я уже засыпаю.

Прятели вырвали лист бумаги в косую линейку, на которой первоклассники пишут в тетрадках. Написали свою записку. А когда написали, оделись во всё тёплое, в чём гулять хо-

дят. Стаса закутали. Под кровати залезли. И уснули в темноте да в тепле под кроватями.

Воспитательница проходила. Заглянула к ним в комнату. Видит, никого нет в комнате, а на столе записка. Прочитала воспитательница эту записку и быстрее к директору. Прочитал директор эту записку и скорее к телефону.

За окном темень. Если лицо к стеклу вплотную приблизить, станет заметно, как на улице кипит снег, как ветер мнёт его и швыряет. Это пурга сигнал подаёт: мол, я уже здесь, я уже возле самых домов — сейчас дохну во всю силу.

Позвонил директор по телефону, вызвал секретаря райкома. Говорит в трубку, а сам от волнения на месте стоять не может, ходит вокруг стола.

— Беда,— говорит,— у меня мальчишки из интерната на остров ушли. В проливе на голом льду их пурга застигнет. В проливе пурга с двойной силой дует. Унесёт она ребят в океан.

— Понял вас,— сказал секретарь райкома.— Как мальчишек зовут?

— Лёнька, Санька, Колька и с ними один дошкольник Стас.

— Ясно,— сказал секретарь райкома.— Родителям на зимовки не сообщать. Принимаю меры.— И трубку повесил.

Но повесил он её всего на одну секунду. И опять поднял. И поднимал несколько раз, чтобы всем кому нужно сказать.

Капитану порта сказал:

— Тревога. Поднимайте моряков, пусть верёвки берут, фонари электрические захватывают. Мальчишки-малыши на остров пошли.

Начальнику гидрологов сказал:

— Тревога. Выводите вездеходы в пролив. Идите к океану. Трое мальчишек из интерната и один мальчишка-дошкольник в проливе в пургу попали.

На остров позвонил, командиру лётчиков и начальнику метеорологов сказал:

— Тревога, товарищи. Поднимайте людей. Идите с острова навстречу портовикам. Четверо малышей в проливе, в пурге.

С главным охотником-звероловом поговорил:

— У тебя тут собачьи упряжки имеются?

— Есть. Несколько охотников-звероловов по делам прибыли.

— Пусть выводят собачьи упряжки. Пусть идут на них к океану впереди вездеходов. Четверо мальчишек в пургу попали.

Ещё позвонил командиру военной части. И на Севере, на краю земли, солдат-пограничник в дозоре стоит: бережёт от врагов нашу Родину.

Поднялись по тревоге солдаты. Стали цепью. Двинулись в пургу, чтобы искать за каждым ледяным бугром, в каждой каменной щели. Всюду, где глаз в такую темень достанет. Всюду, где руки нашарят. Всюду, куда ноги в такую пургу дойдут. Мальчишки-малыши лёгкие, в тёплых шубах неповоротливые — их пурга далеко укатить может.

Потом секретарь райкома собрал остальных городских людей. Парикмахеров взял, поваров, бухгалтеров, монтажеров с электростанции, охотоведов, продавцов, учителей, которые помоложе. Спортсменов-десятиклассников взял. Сам с ними в пургу пошёл.

Пурга уже всюю разгулялась. Воеет пурга. Бьёт в скалы. Как отыщет в скалах проход, так взрвёт, словно бесконечный слитный взрыв. В проливе пурга ровно и сильно гудит. Ей в проливе свободный ход, как в трубе. Пурга там идёт лавиной, отрывает со льда снежную шкуру. С треском рвёт. С хохотом.

А мальчишки Лёнька, Коля и Санька спят под кроватями. Возле паровых батарей в тёплых шубах парятся. Дошкольник Стас слаще всех спит. Похрюкивает во сне и причмокивает.

Пурга валит людей в проливе. Идут они, друг с другом верёвками связанные. Свет от фонарей упирается в бешеный снег, не достигает вперёд дальше шага. Тревожно у людей на душе. Мнится им, что уже осилил ветер четырёх ребятешек. Катит их сейчас где-нибудь далеко, бьёт об торосы — ледяные кочки.

Вездеходы гусеницами грохочут, только не слышно их грохота. Пурга всякий шум заглушает. На вездеходах прожекторы. Сильно светят, да только на четыре шага пургу пробивают.

Пятно на снегу!

И вылезают водители из машин — может, мальчишки засыпанные. И снова грохочут гусеницами железные вездеходы.

Собаčky упряжки опрокидываются. Собаки ползут сквозь пургу на брюхе. А как ветер чуть-чуть поослабнет — бегом бегут. Ловят собаки каждый самый маленький запах — вдруг пахнёт ребятишками. Охотники-звероловы, люди к темноте да к пурге привычные, понукают своих собак:

— Давайте, милые. Почуйте ребятишек. Их спасти нужно.

Цепью идут солдаты. Молча идут солдаты. В таком аду хоть как кричи, крик даже до собственных ушей не долетит.

Один солдат, по фамилии Петров, в лунку провалился. Гидрологи во льду лунку пробили, чтобы зимнее море изучать в глубине. Намок солдат Петров, и тут же на ветру его одежда заледенела.

Командир велел солдату в посёлок спешить, в больницу.

— Я же не больной,— сказал солдат.— Я только мокрый.

— Идите быстрее,— приказал ему командир.— Изо всех сил торопитесь!

Тревожные радисты шлют в пургу один только вопрос:

«Нашли или нет?»

«Нет»,— отвечают им из пурги.

На дальних зимовках поймали зимовщики такие радиосигналы. Приникли к приёмникам. Каждый думает — может, мой сын в беде, а не мой, так товарища. Плохо зимовщикам — далеко они, не могут на помощь броситься.

В школе-интернате все ребята про беду узнали. Грустно сидят, молча едят ужин. А некоторые не притрагиваются даже ни к компоту, ни к осетрине.

В детском садике и воспитательницы и нянечки вокруг телефона собрались. Ждут в страхе.

Директор школы устал по коридору ходить. Старый он был. Будь помоложе, он бы тоже пошёл в пургу. Заглянул директор в комнату к пропавшим ребятишкам. Валенец из-под кровати

торчит. Директор этот валенец ногой шевельнул. Не пустой, есть в нём что-то. Директор нагнулся, взялся за валенец и вытащил из-под кровати Стаса. Стас обратно лезет, сон свой досматривать. Директор под одну кровать заглянул, под другую. И из-под каждой вытащил по мальчишке.

— Так,— говорит.— Очень прекрасно,— говорит.— Объясните мне ваш поступок.

Мальчишки ещё не поняли со сна, в чём дело, почему у директора такое усталое, такое белое лицо.

— Мы пошутили. Мы тут...

— Хорошо пошутили...— Директор сел на кровать, сгорбился.— Не раздевайтесь. Сейчас мы в одно место пойдём. Вы там кому нужно объясните про вашу шутку.

По дороге директор завернул к себе в кабинет, позвонил на радиостанцию.

Сказал радисту:

— Нашлись мальчишки. Они под кроватями спали. Это, извините, была шутка с их стороны.— И ещё больше сгорбился.

Радист тут же принялся посылать сигналы в пургу:

«Нашлись ребяташки... Нашлись ребяташки... Они под кроватями спали... Это была шутка с их стороны... была шутка...»

Услышали такой сигнал на зимовках. «Вот это да! — подумал каждый зимовщик.— Вот это порадовали. Может быть, среди шутников и наш сын дорогой...»

Приняли сообщение радиста спасательные отряды. Повернулись они, возвращаться. Горько им стало и тяжело. Горько потому, что почувствовали они себя обманутыми. Тяжело потому, что, когда они ребяташек искали, была у них тревога за ребяташку судьбу, была надежда, что не дадут они ребяташкам пропасть. Эта тревога и эта надежда силу людям удваивали. Сейчас, от обмана, ослабли люди... А пурга, как назло, в своей самой лютой ярости вызрела. Прямо в лицо, прямо в грудь ледяными когтями бьёт и снизу, и сверху, и со всех сторон треплет. Стараются оторвать людей друг от друга. С ног сбить. Укатить. И следы замести.

Директор вывел первоклассников Лёньку, Колю и Саньку и дошкольника Стаса из своего кабинета. Велел за собой следовать.

Школьные ребята все, как есть, в коридоре стоят, молча смотрят на шутников.

Выбрал директор троих парней посильнее. Велел им взять шутников за воротники. Сам Стаса взял. Таким образом вышли они на улицу.

Пурга в городе не такая свирепая. Слабнет она в людском поселении. Разбивается об углы да об крыши. К тому же недалеко идти оказалось. Улицу преодолели и очутились где нужно.

В больнице.

Доктора лечат солдата Петрова. Он весь поморозился в мокрой одежде. Едва до больницы добрался. Кроме солдата, в больнице ещё много людей. У кого лицо поморожено, у кого руки. И другие люди все приходят. С ног валяются от усталости. И у всех, кто приходит, что-нибудь поморожено.

— Вот, товарищи,— сказал директор,— это и есть те самые ребяташки. Посмотрите на них. Пусть они вам ответят.

А что тут ответишь?

— Мы пошутили,— сказал Лёнька и заревел.

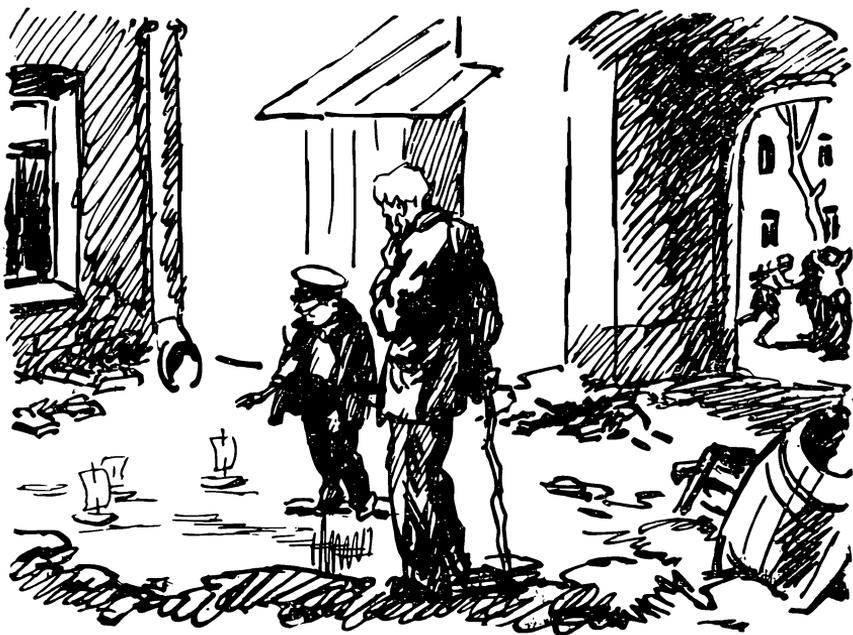
Коля и Санька стали в угол лицом. Сопят. Слёзы у них не идут — ещё на пути к глазам от стыда выкипают.

Стас потихоньку залез под белый больничный деревянный диван.

Молчат обмороженные люди. И никто на ребят не смотрит. Все в пол смотрят.

Тихо.

Только пурга за окном хохочет,

КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА

На задний двор редко заглядывали взрослые. Там высились кучи дощатых ящиков, валялись бочки с налипшим на их бурые бока укропом. Лежали груды извёстки и кирпича.

В марте, когда с крыш сбросили снег, задний двор превратился в недоступную горную страну, которую с криком штурмовали альпинисты, отважные и драчливые. Самыми страшными среди них были Мишка и Кешка.

Вскоре горная страна стала оседать. Острые пики обвалились. А в конце апреля задний двор превратился в громадную лужу.

Ребята уже не заглядывали сюда. Девчонки кидали в начерченные на тротуарах квадраты жестяные банки из-под гу-талины, именуемые странным словом «скетишь-бетишь», и без

устали прыгали на одной ноге. Мальчишки, вытирая на ходу носы, гонялись друг за другом по всем правилам новой воинственной игры «Ромбы». И только Сима из четвёртого номера остался верен заднему двору. Он выстругал из дощечек, отломанных от ящика, остроносые корабли. Приладил им клетчатые паруса из тетрадки по арифметике и пустил свой флот в далёкое плавание.

Плывут корабли, садятся на известковые рифы, причаливают к кирпичным островам. А адмирал Сима бегаёт по узкой полоске суши у самой стенки дома.

— Право руля!.. Паруса крепи!..— Но нет у него сил помочь потерпевшим крушение. Лужа глубокая, а башмаки...

Заглянул на задний двор Кешка. Оглядел Симу с головы до ног, сказал, как говорят взрослые:

— Сима, у тебя здоровье хлипкое, а ты вон вымок весь. Подхватишь грипп — опять свалишься...

Сима насупился. А Кешка присел на корточки, стал смотреть. Один кораблик на суше лежит с поломанной мачтой; другой — к кирпичу пристал; третий — зацепился за что-то посреди лужи и медленно поворачивался на одном месте.

— Сима, чего это корабль крутится?

— Это его гигантский кальмар щупальцами схватил...

Кешка захохотал:

— Ой, Сима!.. Да это же гнилая стружка, в какую яблоки упаковывают.

— Ну и что же? — тихо возразил Сима. — Всё равно. — Сима сжал губы, нахмурил лоб и сказал убеждённо: — Нет, кальмар. И экипаж корабля сейчас с ним сражается.

Кешка присвистнул, засмеялся ещё громче.

— Если б ты моторный корабль сделал, я понимаю. А это...

Он сплюнул в лужу и пошёл под арку, но на полпути передумал, вернулся:

— Знаешь что, Сима, я всё-таки с тобой побуду, ладно?

— Как хочешь, — ответил Сима равнодушно, взял дощечку и стал, как веслом, разгребать воду.

От дощечки пошли волны по всей луже. Кораблик, прикнувшийся к кирпичу, закачался, задрал нос и поплыл даль-

ше. Корабль, что в стружке запутался, подскакивал на волнах, но стружка держала его крепко. Он кренился, палубу ему заливало водой.

— Пойду домой,— наконец решил Сима.

— А корабли?..

— Они в плавании. Им ещё далеко плыть.

Кешка покачал головой:

— Чудной ты!.. Брось, не ходи. Давай лучше полежим на ящиках, посушимся.

Они сняли пальто, разложили их на досках. А сами залезли в ящики из-под яблок. Лежат на спине, смотрят в глубокое, как Тихий океан, небо и молчат. Солнышко пригревает хорошо. От Симиного пальто поднимается лёгкий пар. Кешка повернулся, стал смотреть на лужу. В воде отражается небо, и лужа от этого голубая. Если прищуриться да ещё загородить глаза ладошкой, чтобы не видеть стены дома и сараев, то на самом деле кажется, будто лежишь на берегу спокойного утреннего моря.

— Сима, а ты на море бывал?..

— Нет. Где я раньше жил, только речка была.

Кешка скривил губы:

— А ещё корабли строишь! А я, кроме Балтийского, ещё на Чёрном был. Вот там да!.. А ты в луже каких-то кальмаров выдумал.

Сима обиделся, хотел уйти, но тут на заднем дворе появились двое: седой сутулый старик без шапки и кругленькая старушка с розовым лицом. Они вместе несли ковёр.

Старушка посмотрела на лужи, сказала расстроено:

— Вот видишь!.. Безобразники, не могут люк прочистить.

— Будет тебе, Катя! — хрипло забасил старик.— Тебе, конечно, лужа. А может, для кого — океан.— Он кивнул на Симины корабли.— Ты вообще воды, кроме чая с лимоном, не признаёшь, а здесь дело тонкое...— Старик пошире расставил ноги, опёрся о толстую бугроватую палку.

Слегка затуманенные, как талые льдинки, глаза его смотрели на Симин флот, на кирпичные острова, на известковые

мели. Потом он поднял палку и показал ею на острые обломки, торчащие из воды.

— На острова Зелёного Мыса похожи. Голое, дрянное место... А вон подальше,— старик наклонился вперёд,— видишь, вроде проливчика, горловинка... Гибралтар будто... А чуть южнее — Танжер. Я тебе этот ковёр из Танжера привёз.— Старик снова облокотился на свою палку и замер. Лицо его стало задумчивым.

— Ну хватит,— тронула его за рукав старушка.— Пойдём.

Старик вздохнул:

— Да, да... Ты, Катя, ступай домой, а я ковёр вот здесь, на ящиках, выколочу.

Старушка помогла мужу разложить ковёр на куче ящиков и пошла в подворотню. Старик проводил её немного и вернулся. Он огляделся по сторонам, как мальчишка, который хочет созорничать, подошёл к луже. Он нагнулся, подобрал Симин кораблик, поправил мачту, клетчатый парус и легонько пустил его на воду. Кораблик побежал к кирпичным островам.

Старик разгребал палкой воду, как это делал Сима; и, нагоня кораблик, по луже покатались волны.

Сима вылез из ящика, взял своё пальто и подошёл к старику сзади. Услышав его сопение, старик вздрогнул, оглянулся.

— Ух ты!.. Думал, жена...— смущённо улыбнулся он и тронул всей пятернёй обкуренные усы.— Понимаешь, не любит она моря... хоть ты что... Это твой флот, что ли?

— Мой,— кивнул Сима.

По щекам старика разошлись глубокие складки; плечи он выпрямил. Теперь палка казалась ненужной в его руках.

— Чего это шхуна у тебя дрейфует?.. Вон та... На рифы села?

— Нет,— покачал головой Сима,— это её гигантский кальмар схватил.

Кешка подумал: «Засмеёт он сейчас Симу». Но старик ничего, не засмеялся, лишь озабоченно нахмурил лоб.

— Кальмар, говоришь?.. Вот тресковая смерть. Кашалота бы сюда. Против кашалота ни один кальмар не выстоит...

Я, брат, на кашалотов охотился и на финвалов. Ты вот про единорога что-нибудь знаешь?.. Нарвал называется... Бивень у него метра три длиной впереди из носа торчит. Шлюпку он, словно шилом, протыкает...

— Будет тебе, будет...— раздался из подворотни тихий голос.

Старик покраснел, спрятал глаза в насупленных мохнатых бровях. Под аркой, прислонившись к стене, стояла его жена.

— Да вот видишь, Катя, моряка встретил. Поговорить надо.

Старушка поджала губы и критически осмотрела Симу.

— Вымок-то весь, как утёнок... Пойдём, что ли, чаем напою с вареньем... с малиновым.

— Гребь, гребь,— подтолкнул Симу старик.— Она только с виду сердитая. Она моряков уважает.

Сима оглянулся на ящики, хотел, наверно, позвать Кешку, но Кешка запрятался поглубже, чтобы его не заметили. Ему было очень грустно.

Когда двор опустел, он вылез из ящика, подошёл к луже.

В луже отражались облака. Они бежали по опрокинутому небу. Кешке казалось, что он медленно плывёт по волнам... Мелькают острова, потрескавшиеся от солнца. Над водой дерутся поморники и альбатросы. В морской пене хищно шныряют единороги. Что-то щекотливое и тёплое подступало к Кешкиному горлу, как подступают слёзы, когда смотришь хороший кинофильм с хорошим концом.

МУРАВЬИНОЕ МАСЛО

Посёлок дачного треста расположился на высокой песчаной горе у самого моря. За весёлыми разноцветными домиками сосновый бор. Внизу, под горой, серая лента шоссе. По одну её сторону малина, черёмуха — целые заросли. По другую — песок, голубая осока, источенные водой камни и море...

Море волнуется, вздыхает. Это ветер треплет его пенистые волны, и они, не зная куда деться, выплёскиваются на берег. А бывает, заспорит море с ветром. Тяжёлые валы нальются яростью, заревут, загрохочут. Словно подбадривая их, загудят на горé сосны, — они ведь тоже с ветром не ладят.

Но чаще всего море спокойно и блестит, блестит, будто его начистили. В такие дни виден Ленинград. Он синее на горизонте тонкой зубчатой полоской. Золотыми блёстками светятся

купола и шпили. Кронштадт тоже виден. Он за горизонтом, и поэтому кажется — трубы судоремонтных верфей и круглая голова собора торчат прямо из воды. Тихо в такие дни. Лишь асфальт шипит под колёсами краснобоких автобусов, грузовиков и легковушек. Тихо и хорошо.

* * *

«Победа», которую Валеркиной бабушке дали на фабрике, катила по извилистому шоссе. Она обгоняла сутулых старательных велосипедистов, юрких «Москвичей». Иногда за окном медленно проплывал раскалённый бок автобуса с белой табличкой «Ленинград — Зеленогорск»; сверкая лаком и голубоватой хромировкой, проносились «ЗИМы»... Вдоль дороги мелькали санатории с красивыми названиями, белые гипсовые спортсмены, громадные сосны и люди в светлых платьях, полосатых пижамах, весёлые и неторопливые.

Валерка сидел в уголке, зажатый тяжёлым тюком с постелями, грустно смотрел в окно и неслышно вздыхал. Только раз он оживился, но бабушка тут же постаралась испортить ему настроение. За одним из поворотов на дорогу вылетел синий мотоцикл и, круто развернувшись, стал на пути. Шофёр рванул на себя ручной тормоз. Завизжали колёса. Деревья за окошком перевернулись, и какая-то сила сбросила Валерку с сиденья.

— Крушение!.. — закричал он. — Катастрофа!.. — А когда выкарабкался из-под навалившихся на него постелей, спросил: — Раненых нет?..

Бабушка толкнула шофёра локтем:

— Видал? Вот он, мой отдых... — Потом повернулась к Валерке, спросила, покачивая седеющей головой: — И в кого ты такой уродился?.. Шальной какой-то... — Она сердито перегнулась через спинку сиденья, помогла Валерке водрузить на место постель. — Лучше б я в фабкоме путёвку взяла, чем с тобой маяться...

— И не майся... Я не навязывался на твою дачу, — пробормотал Валерка, уstraиваясь у окна.

От мотоцикла к машине шёл милицейский лейтенант в бе-

лом кителе. Он приложил руку к козырьку, попросил у шофёра документы.

— В чём дело? — полюбопытствовал шофёр, достав из кармана путёвку и права.— Я правильно ехал, скорость не превышал, тормоза, сами видели...

Лейтенант осмотрел документы, номер машины... Китель у него был запылённый, лицо усталое, серое... Видно, не один десяток километров проехал он сегодня по знойным дорогам.

— Всё в порядке... Можете ехать.

Машина, словно этого и дожидалась, вздрогнула, зафырчала и опять понеслась по серому бесконечному асфальту.

Валерка нахохлился у окна. Нет на земле справедливости: одним — всё, а другим — только тычки да упрёки. Бабушка, например, и в трамваях, и в троллейбусах, и даже в автобусах ездит бесплатно, у неё специальная карточка от государства. У бабушки есть орден. Её каждый праздник приглашают на трибуну. Однажды она даже Валерку с собой взяла.

По Дворцовой площади за тяжёлым гвардейским знаменем шли герои. Так шли, что дух захватывало!.. После парада Валерка несколько дней вышагивал по комнате, высоко подбрасывая ноги, повернув голову к правому плечу.

— Чистый гусак,— качала головой бабушка.— Ну скажи ты мне, чего шею выворачиваешь?..

Как-то после школы ребята устроили во дворе сражение.

Валерка пришёл домой с оторванными пуговицами, с расцарапанной щекой. Бабушка сдвинула очки на лоб.

— Что, горюшко, отколотили?..

Валерка промолчал. Тогда бабушка скрутила полотенце крепким жгутом и задала Валерке дёру. Он не пикнул. Зато бабушка села на стул и заплакала.

— Вот изверг!.. Иль тебе не больно, иль у тебя совести нет?

Родители не вмешивались в бабушкину педагогику. Лишь один раз Валерка слышал, как отец сказал матери, что бабушка вырастила четверых и хорошо знает, как это делать.

Но хуже всего получилось с дачей. Ещё в прошлом году мама пообещала свозить Валерку на Волгу, на свою родину. И вот теперь выяснилось, что маме дадут отпуск только в сен-

тябре, а Валерка с бабушкой отправятся на дачу. Разве это справедливо?.. Но думай не думай, вздыхай не вздыхай, что родители решили, так и будет.

Скоро за окошком «Победы» замелькали посаженные аллеюшкой берёзы. Потянулись крашенные заборы палисадников.

Машина затормозила у голубого щиткового домика с верандами. Шофёр помог перетащить вещи.

— В субботу, Катерина Николаевна, приеду за вами. Чехи на фабрике будут, вам обязательно встретить их надо.

Пока они разговаривали, Валерка оглядел новое жильё — небольшую комнату и веранду. От казённых коек с сетками, от мутных, невымытых стёкол веяло ленивой скукой. Пахло пылью, смолой, мышами. Валерка потёр кулаком затылок, взялся было развязывать тук с постелями, но тут отворилась дверь. В комнату вошла высокая, стриженная под польку девушка. Она застенчиво улынулась, словно чего-то набедокурила и ждала прощения. Потом сказала:

— Я с братом живу за стенкой, зовут меня Мариной и... значит, будем знакомы.

Марина сразу принялась помогать бабушке обтирать пыль, вешать на окна занавески, расстилать салфетки.

Валерку выпроводили. Он обследовал лужайку за домом, пожевал жёлтые цветы акации и выбрался на улицу.

У забора сидел согнувшись загорелый мальчишка, прибивал оторванную доску. Он неохотно вставлял гвозди в почерневшие от ржавчины дырки, слегка пристукивал их молотком. Потом остановился, раздумывая, продолжать дальше или бросить. Валерка подошёл к незнакомцу и на всякий случай сжал за спиной кулаки.

— Тебя, может, не кормят?.. Ударить как следует не можешь...

Мальчик обернулся. Лицо у него было строгое, брови наспуплены, а глаза, голубые, как весенние лужицы, смотрели простодушно и без злобы.

— Почему не кормят?.. Сам не ем.— Он поплевал на ладошки и, один за другим, ловко вогнал все гвозди в доску.— Еда не главное в жизни человека. Есть нужно, когда это

необходимо.— Черномазый помолчал, подумал, стоит ли объясняться с каждым встречным-поперечным, потом добавил: — Нужно приучать себя к лишениям, в жизни это пригодится... Особенно в путешествиях.— Он уселся поудобнее, долго, внимательно разглядывал Валерку и, видимо довольный осмотром, доверительно поведал: — Сейчас я расстроенный... Хотел в Ленкорань с Васькой податься — сестра все запасы отняла, не пустила. Привезла вот на дачу...

Слово «дача» он произнёс с таким презрением и так безнадежно махнул рукой, что не рассчитал и здорово ударил костяшками пальцев по доске. Валерка думал, сейчас завоет или, по крайней мере, затрясёт ушибленной рукой. Но ничуть не бывало. Мальчишка только слегка поморщился и назвал заборы пережитками капитализма.

У Валерки с заборами были давние счёты, но он ругал их гораздо примитивнее: «Дурацкие заборы. Проклятые загородки...» А «пережитки» — это было что надо. Валерка сел рядом с незнакомцем, подёргал прибитую только что доску.

— Крепко... А я бы и делать не стал...

— А я и не делаю... Я лаз заколачиваю.— Мальчишка посмотрел на свою работу с откровенным огорчением.— Соседка тут ведьма... Как тебя зовут? — вдруг спросил он.

— Меня?.. Валерка. А тебя?

Мальчишкин нос, облупленный, красно-бурый от солнечного пережога, смущённо наморщился.

— Меня все Ивой называют... Вообще-то Ванька. Когда маленький был, так мать: «Ивашка, Ивка...» И Марина от неё переняла. В школу придёт: «Как мой Ива?» На дворе: «Ива, спать!» Так вот и мучаюсь с деревянным именем... Только ты не думай,— встрепенулся он,— Марина у меня не какая-нибудь аристократка. Она художница!

Валерка придвинулся ближе. Ему очень хотелось рассказать про «изверга», «мучителя», «размазю»... Он сочувственно сопел, придумывал, чем бы помочь новому товарищу, но как тут поможешь!

— А у нас по дороге документы проверяли,— сказал он как бы между прочим.

— Милиция?...

— Угу... На мотоцикле, как развернётся, чуть не столкнулись.

— Сегодня какие-то воры с пляжа «Победу» угнали. Милиция их сейчас всюю разыскивает. — Ива повертел перед Валеркиным носом молотком. — Найдут, не беспокойся; они ещё и не такое находят!.. Пойдём посидим в палисаднике.

На дорожке перед домом катался на велосипеде стриженный мальчишка с большими оттопыренными ушами. Он разогнался, покатил прямо на Валерку, но вовремя затормозил и свернул в сторону. Потом начал фасонить. Ездил, расставив руки, клал ноги на руль, садился на багажник.

Валерка спросил:

— Кто это?

Ива посмотрел на велосипедиста прищурясь, словно видел его впервые, и равнодушно ответил:

— Яшка Ушастик, презренная личность и мелкий собственник.

— А велосипед у него хороший.

— Ещё бы!.. — Ива сел на скамейку с ногами.

Валерка примостился рядом.

Яшка, заметив любопытные Валеркины взгляды, сбегал домой, вынес спиннинг с пробковой рукояткой и фотоаппарат. Сел на крыльце и принялся крутить спиннинговую катушку. Потом начал забрасывать блесну прямо под ноги Валерке.

Валерка глянул на Иву. Тот сидел спокойно, на Яшку совсем не обращал внимания, будто его и не существовало на свете. Валерка тоже поднял ноги на скамейку, зевнул и стал сосредоточенно ковырять в ухе. Яшка поёрзал на крыльце, отложил спиннинг, взял фотоаппарат. Навёл на ребят объектив, пощёлкал затвором для эффекта...

Валерке очень хотелось посмотреть, а может, даже и в руках подержать все эти замечательные вещи. Он не понимал, почему Ива не проявляет к Яшке никакого интереса, но раз товарищи — значит, точка, держи марку. Яшка громко, во всю глотку, запел песню «Шагай вперёд, мой караван...», сердито посмотрел на ребят, забрал своё добро и ушёл в дом.

— Ты что, не разговариваешь с ним, да?.. — с любопытством спросил Валерка.

— Он жила, единоличник! У меня с ним только один разговор может быть — нокаут в первом раунде! — Ива согнул тонкую, но, видно, сильную руку и быстрым движением выбросил её вперёд. — Бац!.. И ноги кверху...

Валерка уважал Иву всё больше и больше. Он был страшно рад и горд. Потому что нельзя человеку жить без друга, без настоящего, отчаянного, верного товарища. Что Ива настоящий, Валерка не сомневался.

— Где ты так загорел?..

— А на крыше, когда с Васькой в Ленкорань готовились. (Скоро выяснилось, что Васька — дворничихин младший сын и самый надёжный Ивкин городской друг. Каждое утро они брали ключ от чердака, ходили потихоньку на крышу, загорали перед школой.) В Ленкорани, понимаешь, жара. Туда без подготовки нельзя.

Валерка хотел спросить, что это за Ленкорань, — может, в Африке? Но оказалось, Ленкорань — такое место на Каспийском побережье, где работает Васькин старший брат.

Ива рассказывал, и перед Валеркой вставала удивительная страна. Лежала она где-то южнее Баку, в низине, у дикого Тальшского хребта, на самой границе с Ираном. Всюду в этой стране росли мимозы, гранаты, мирты, крепкий, как железо, самшит... Валерке они представлялись огромными деревьями с корявыми ветками и жёлтыми крупитчатыми цветами, какие в марте продают на Невском. Бродят в Ленкорани свирепые стада кабанов, тигры и леопарды, которые пробрались тайными звериными тропами из далёкого Белуджистана. Рассказывая, Ива для убедительности подпрыгивал на скамейке, тарачил глаза, рычал. Окончательно сразило Валерку то, что люди в Ленкорани ездят на громадных индийских быках — зебу.

— Ври!

— Чтоб мне пропасть! — поклялся Ива. — Вот вырасту, обязательно туда подамся.

— А чего ждать-то! — Валерка сжал кулаки, насупил брови, будто решил рассчитаться с кем-то одним махом. — Знаешь

что?.. Давай сбежим!.. У меня десять рублей есть, на ружьё копил.

— Фи-ить!..— тихонько свистнул Ива.— Ты что, с луны упал?.. Не подходит. Я ещё в прошлом году пробовал. — Ива поморщился, вспомнив что-то неприятное.— Сейчас необитаемый остров открыть легче. На первой станции ссадят и домой — марш, марш!.. Вот когда вырастем — другое дело: обязательно подадимся. Мы там знаешь загорим, как черти!.. А может, ископаемые найдём... А?.. Как ты думаешь с научной точки зрения?

Но, несмотря на это утешение, Валерка вдруг скис, понурил голову, потом едва слышно пробормотал:

— Я никак не думаю... Ко мне загар не пристаёт.

Ива удивлённо посмотрел на Валерку. Был его новый товарищ худеньким, но широкоплечим пареньком. Волосы на розовой голове топорщились ёжиком. На тонком носу тесно сидели крупные веснушки. Веснушек, впрочем, было у него хоть на продажу, разных: и больших, и маленьких. Они целыми племенами поселились у него на плечах и даже на спине.

— Доктора говорят, у меня пигмента не хватает,— ожесточённо продолжал Валерка.— Я его, окаянного, уж как искал, все аптеки обегал... Нигде нету.

Ива понимающе причмокнул.

— Да... Дефицитная вещь. У нас он не произрастает — климат вредный. Только на Мадагаскаре... Я от моряков слышал, мальгаши им кожу натирают.

— Чего?

— Ну, мальгаши, мадагаскарские негры.

Ива хотел рассказать про мальгашей подробнее, даже показал, как королева Ранавелона Первая выгнала взащей французских миссионеров, но тут прямо над ребячьими головами кто-то сказал:

— Вот вы на Мадагаскар и валяйте. Там вам эта Ранавелона пигменту даст... по шее.

В окне над скамейкой торчал Яшка Ушастик и улыбался.

— Поедем, если надо будет, — просто ответил Ива.— А тебе забота?

— Забота... Сойдите с нашей скамейки!

— А откуда она ваша? Она общая,— ввязался Валерка.

— Нет, наша... Раз под нашим окном — значит, наша. — Яшка выпятил толстые губы, словно собрался плюнуть. — Ты, Ива — Сосновый гибрид, зачем в наш сад чужого привёл?

— Я не чужой! — крикнул Валерка. — Я сегодня приехал. А ты... А ты...

Яшка только ухмыльнулся, состроил рожу и заорал, чтобы они убирались с его скамейки. Потом ему показалось этого мало. Он запел: «Иванушка дурачок, попляши за пяточок».

А Валерку окрестил «Молочной сосиской», «Загаром в крапинку», «Веснушчатым негром».

Валерка покраснел, сжал кулаки и глянул на Иву. Ива сидел полузакрыв глаза, будто Яшка не дразнился вовсе.

— Не обращай на него внимания,— громко сказал он. — Этот дурак Яшка даже полезет. Я на нём волю закаляю.

Валерка отвернулся от окна. Он скоро остыл и только удивлялся, как у Яшки здорово привешен язык. А Яшка, видно, устал кричать. Отвязался — охрип, наверно.

Не успели друзья вдоволь посмеяться над охрипшим Яшкой, как на них вылился целый поток холодной воды.

В окне стоял Яшка с большой алюминиевой кастрюлей.

Ива в одну секунду забыл про волю, и они с Валеркой мгном очутились у окна. Но не тут-то было. Окно захлопнулось, а Яшка, прижав нос к стеклу, издевался:

— Что, мало попало?.. Я вам ещё волю закалю!..

У Валерки внутри всё кипело. Он замахнулся, хотел дать по расплюсченному Яшкиному носу, но Ива оттащил его в сторону.

— Брось, стекло разобьёшь.

Несолоно хлебавши отошли ребята от окна. Но злополучное столкновение с Яшкой Ушастиком не закончилось. На крыльцо выскочила толстая женщина в розовом сарафане.

— Хулиганы!.. Где Марина Николаевна? — Она набрала в лёгкие воздуха, словно собиралась надуть волейбольный мяч, и заголосила: — Марина Николаевна, сюда люди отдыхать приехали! Я попрошу, избавьте нас от этих... этих варваров! —

Последние слова толстуха произнесла с таким возмущением, что Валерка испугался, как бы чего не испортилось у неё в горле. Уж больно громко и раскатисто у неё получилось «р».

— Атмосфера накаляется, держись! — веско произнёс Ива.

Толстуха вперила в него немигающие выпуклые глаза и вдруг заметила молоток, которым Ива прибивал доску, да так и не успел отнести домой. Молоток Ива держал перед собой, как пистолет, выставив вперёд деревянную рукоятку. Толстуха тучей двинулась на ребят. Они потихоньку пятились к калитке, и толстуха выгнала бы их на улицу. Но тут на крыльце появилась Марина.

— Ух ты!.. Что это здесь происходит?

Ива пожал плечами.

— Ничего особенного, стратегия...

Толстуха обернулась, замахала руками и принялась визжать, что сама видела, как эти «хулиганы» грозили кулаками и собирались разбить стекло.

— Почему вы мокрые? — спросила Марина.

Валерка хотел объяснить, в чём дело, но Ива толкнул его в бок и спокойно заявил, что им было жарко и они немного побрызгались водой.

— Вот видите, они не могут играть, как нормальные дети... Марина Николаевна, я вас уже предупреждала относительно вашего брата. Ему не миновать милиции. И товарищи у него такие... Обратите внимание, что у вашего брата в руках.— Толстуха подняла кверху указательный палец с красным лакированным ногтем и широким золотым перстнем.— Молоток!.. Оружие!.. Симптомы бандитизма!..

— Несомненно,— улыбнулась Марина,— Ивка — грешник, его когда-нибудь четвертуют... Ну, а насчёт молотка, так его ещё можно рассматривать и как орудие труда.

— Не понимаю... Отказываюсь понимать! — Толстуха вскинула голову и направилась было к крыльцу. Но беда не приходит одна. На крыльце стояла бабушка.

— Что тут? — спросила она.— Валерий!

Толстуха упёрла руки в бока и медленно процедила:

— А-а... Новые жильцы... Очень приятно. Извольте унять

своего хулигана. Я не позволю стёкла бить!.. Тут дача, а не притон!

Вышел на крыльцо и сам Яшка. Вид у него был несчастный-разнесчастный. Он вежливо поклонился бабушке и сказал:

— Здравствуйте.

Толстуха взяла его за плечи и с негодованием хлопнула дверью.

— Валерка, марш домой!

Бабушкин голос не предвещал ничего доброго.

— Что ж это ты, изверг! — напустилась она на него в комнате.— Долго ты меня мучить будешь?.. — Валеркин ёжик ментально оказался в ухватистых бабушкиных пальцах.— Не хватало, чтобы меня тут позорили...

Валерка мотнул головой, молча упёрся лицом в стену.

Бабушка ещё долго сетовала на свою судьбу, пославшую ей такое наказание, потом с любопытством спросила:

— Подрался, что ли?..

«Сначала бы спросила, а потом — за волосы...» — подумал Валерка и ничего не ответил, только шмыгнул носом.

Через полчаса Ива и Валерка сидели под кустом акации.

— Житья нет,— тяжело дыша, говорил Валерка.— Ивка, вот ты, наверно, много книжек читаешь, скажи: откуда такая несправедливость?

— Это у них от воображения,— ответил Ива.— Как бы тебе объяснить популярней?.. Тут дело такое: каждый взрослый считает себя страшно умным, а нас — пф-ф...— Ива дунул себе на нос,— букашками. Возьмём хоть Марину... Она ещё ничего, хорошая, но тоже... Даёт мне «Тома Сойера», говорит: читай, ребята там, мол, такие честные и смелые, и то и сё... А когда нас с Васькой на чердаке кто-то по нечаянности запер и мы, чтобы в школу не опоздать, по трубе спустились, что было?.. Три дня со мной не разговаривала, плакала и ещё несознательным элементом обозвала... Понял?

Ребята посидели, помолчали.

— Вы только посмотрите, это же уникам... Маньчжурский кустарный шёлк,— донеслось от крыльца.— Другого такого халата вы в Ленинграде не найдёте...

Ребята подняли головы.

На крыльце стояли Яшкина мать и невысокий узкоплечий мужчина. На Яшкиной матери поверх розового сарафана был накинут чёрный блестящий халат с драконами и яркими алыми цветами. Когда она шевелилась, драконы извивались на полах халата, будто норовили схватить цветы своими страшными зубами.

— Вы чудо, Сергей Петрович, я вам так обязана!.. Если бы вы мне достали шерсть цвета фрез...

Мужчина кланялся и улыбался. Прижимал тонкие, как макаронинки, пальцы к лацканам чесучового пиджака.

— Кто это? — шёпотом спросил Валерка.

— Да тип один — буфетчик с пляжа.

— Сергей Петрович, ещё одну любезность. Отведите моего сына на море. На шоссе столько машин, не дай бог!..— Толстуха округлила глаза и сжала руки у подбородка.

Буфетчик ещё раз поклонился.

— Так вы ступайте... Яша вас догонит.— Она помахала ручкой и ушла в дом.

Через несколько минут на дорожку выскочил Яшка в новых сандалиях. Он подбежал к калитке, заметил ребят и пропел ослиным голосом:

— Ива — берёза, сосновая дубина... Всё про Мадагаскар наврал, никакого пигмента там не растёт!..— Потом передохнул немного и затынул ещё противнее: — Молочная сосиска, ты пигмента нигде не достанешь, потому что он в организме человека... Не слушай Ивку-болтуна!

В три прыжка Ива оказался у калитки, но Яшка уже выскочил на улицу.

— Ладно,— крикнул ему вдогонку Ива,— получишь, запомни! Слово даю!

— Это правду он говорил? — подошёл к нему Валерка.— Врал, наверно?..

— Правду... Сам-то он дурак, но у него мать врач.— Ива отвернулся, начертил босой ногой круг на песке.— Про пигмент я сочинил, думал, ты не так расстраиваться будешь, а про королеву всё точно... Пойдём выкупаемся?

Валерка тоже начал чертить на песке сандалней. «Видно, не судьба мне быть загорелым»,— думал он.

— Ладно, не расстраивайся... Пойдём! А Яшку мы всё равно ещё проучим.

Когда они вышли на улицу, буфетчик с Яшкой уже подошли к лестнице, ведущей на шоссе.

• • •

Буфетчик не вёл Яшку за руку, как это делала мама. Он шёл рядом, посмеивался над вечными страхами матери, задавал вопросы:

— Дружками-то обзавёлся уже?..

— Нет,— откровенно признался Яшка,— подходящих нету. С велосипедом выйдешь — просят. А мама говорит, что он семьдесят рублей стоит. Фотоаппарат вынесешь — тоже просят: «Поснимай!» А что я, обязан, что ли?..

Буфетчик понимающе кивнул.

— На всех не напасёшься.

Яшка рассказывал, как все ему завидуют, говорил, что мог бы всех ребят в бараний рог согнуть, только мараться не хочет.

Яшка врал.

Когда на дачу приехал Ива, Яшка сказал, что он главный и если Ивка будет ему подчиняться, то он разрешит ему иногда брать велосипед. Ива сложил пальцы в кулак и предложил:

«Отгадай загадку, тогда будешь главным... Это что?» — поднял он большой палец.

«Ну, палец».

Ива выставил вперёд указательный.

«Тоже палец»,— ответил Яшка.

Ива сделал кукиш и повертел перед Яшкиным носом.

«Видал?» Потом дал Яшке пинка и велел проваливать вместе с велосипедом.

Не рассказал Яшка и о том, как он сегодня пытался сманить Валерку своими богатствами и что из этого вышло.

— Ты с ними не связывайся,— заговорил буфетчик, когда они начали спускаться по деревянной лестнице на шоссе.—

У них фокусы на уме, приключения. А ты парень серьёзный, в корень глядишь... Жизнь, она — штука... — добавил он, глядя куда-то поверх Яшкиной головы. — Никогда не угадаешь, каким боком тебя об землю шлёпнет... Ты плавать умеешь?

— Умею немножко.

Буфетчик удовлетворённо кивнул.

— Почему пловец на поверхности держится, не тонет?.. Потому что он под себя гребёт... Вот она в чём, заноза. Так и в жизни: плыви потихоньку, а начнёшь фантазии строить, так буль-буль — и пузыри пошли.

Они остановились у голубого павильона. Буфетчик отомкнул контрольный замок с белыми бумажками, снял фанерные ставни и предложил Яшке выпить лимонада. В буфете было тесно. Один на другом стояли ящики с бутылками, бочки с пивом, разные коробки, банки.

— Садись.— Буфетчик ногой подвинул перевернутый ящик и полез за лимонадом.

Из-за ящика вывалился завёрнутый в порванную газету жёлтый автомобильный номер.

— У вас тоже машина есть? — спросил Яшка, усаживаясь.

Буфетчик обернулся, потом метнул взгляд на жидконогие столики перед буфетом. Посетителей не было.

— Это чужой.— Буфетчик торопливо сунул номер под прилавок и заслонил его картонной коробкой с папиросами.— Знакомый один оставил... Вкусно? — спросил он минуту погодя, когда Яшка изрядно отпил из поданного ему стакана.

— Ничего...

— Ну, а теперь беги купайся.

Яшка выскочил из буфета и почти лоб в лоб столкнулся с Ивой и Валеркой.

— А-а... Здравствуйте,— сквозь зубы сказал Ива.— Ну вот сейчас мы разберёмся насчёт гибридов... Мы тебе тёплый душ устроим.

Яшка забежал за столик, на котором стоял нераспустившийся цветок. Он бросал быстрые взгляды то вправо, то влево, но деться было некуда. Ребята наступали с двух сторон. Тогда Яшка опрокинул на себя столик и закричал:

— Сергей Петрович!.. Смотрите, что они сделали!..

Буфетчик уже мчался на помощь. И не успели ребята что-либо предпринять, как он схватил Иву за руку.

— Столы ломать!.. Я вам покажу!

— А мы ломали, да? — огрызнулся Ива.— Пустите! Чего хватаете! — Он брыкался, старался вырваться, но тонкие буфетчиковы пальцы оказались очень цепкими.

— Отпустите! Это не он стол опрокинул! — Валерка поднял стол и поставил на него горшок с помятым цветком.

— Не он?.. Значит, ты? — Буфетчик хотел схватить Валерку, но тот отскочил.

А Яшка уже перебежал дорогу и поднимался по лестнице.

— Что, выкусили? — кричал он оттуда.— Приходите, я вас кипяточком ошпарю!..

Буфетчик держал Иву, пока Яшка не поднялся по лестнице, потом сказал:

— Нехорошо, молодые люди, нехорошо! — и отпустил.

Сначала даже сверкающая на солнце вода не могла охладить ребят. Они посылали на гору проклятья и грозили кулаками. Потом начали плавать наперегонки, делать на песке стойки и кульбиты, поиграли в мяч, присоединившись к какой-то взрослой компании. Лишь по дороге домой Валерка снова вспомнил Ушастика.

— Ух, какой он, а?.. Таких я ещё не видел...

— Ничего, мы его сегодня изловим. Засаду устроим по всем правилам... Понимаешь, я наблюдал... Он всегда бегает.

— Куда?

— «Куда, куда»!.. Понятно, куда ночью бегают...

Валерка засмеялся.

— Мы спрячемся в лопухах, а как он побежит, подожжку — и всё в порядке,— продолжал Ива.— Закон?

— Закон!

* * *

Валерка, как только лёг в кровать, притворился спящим. Бабушка долго возилась на веранде, потом погасила свет.

Валерка ждал сигнала... Наверно, всегда так бывает —

только его стало клонить в сон, как на подушку упал камушек. За ним другой. Валерка поднялся, подошёл к окну и бесшумно прыгнул на землю. Ива сидел под окошком.

— Поползли!

Палисадник перед домом был в сизых зыбких тенях. Ночь, светлая и короткая, как потревоженный сон, лишь слегка прикрывала землю. Такую ночь называют воробьиной; кажется, крикни погромче — и она улетит встревоженной птицей, оставит после себя только лёгкую прохладу, редкий, белёсый туман да запах лесных цветов.

Ребята свернули за дом, пересекли поляну, предназначенную под огороды дачникам, и притаились около забора.

За оградой, по самому краю обрыва, тянулась узкая тропка. Она вела в заросли малинника и крутыми уступами спускалась к шоссе. Дачники пользовались ею редко, предпочитая ходить на пляж по удобной деревянной лестнице. Сейчас по тропке кто-то шёл.

Ребята прижались к земле. Лопухи и конский щавель надёжно прикрывали их. Шли трое. Один говорил:

— Так, думаешь, сейчас не проехать?

Теперь ребята разглядели ночных гуляк. Один из них был буфетчик с пляжа. Он нервно вытягивал длинную шею и беспрерывно ёжился, хотя было не так уж холодно. За ним шагал высокий, грузный человек с усами и толстым, как баклажан, носом. Позади, заложив руки в карманы, лениво шествовал долговязый парень в рубашке с «молнией» и неглаженных коломьянковых брюках. Говорил толстоносый.

— Номер уже поставили? А документы?..

— За кого ты нас принимаешь? — усмехнулся парень. — Всё, как в аптеке... Ну, а насчёт «проедешь или нет», — твоё дело, как фортуна покажет. Я бы не торопился.

— Ладно, вы вообще не торóпитесь, — проворчал толстоносый. — Берите стоймость. — Он протянул что-то буфетчику. — И смотрите, не на курорт приехали, не бабочек ловить... Чтоб мне работа была, товар.

— Сами знаем, — ответил буфетчик раздражённо. — Ты нас, Ступак, на басы не прижимай.

Когда затихли их шаги, ребята вылезли из своего убежища.

— Заведующий, — решил Валерка. — Правильно он этого буфетчика ругает, — наверно, лодырь... обдирала.

— Нет, — покрутил головой Ива, — не зав, иначе они бы с него товар требовали... Махинацию какую-то делают... — Ива не договорил и тихонько потянул Валерку за рукав. — Ложись.

От дома, придерживая трусы, мчался Яшка.

— Сейчас не трогай, — почти беззвучно прошептал Ива. — На обратном пути...

Яшка пробежал так близко, что Валерка мог бы схватить его за ногу. Ждать пришлось недолго. Обратно Яшка шёл, сонно повесив голову. Он даже не сообразил, в чём дело, когда перед ним, как из-под земли, выросли Ива и Валерка. А когда понял, то пробормотал, заикаясь:

— Б-бить б-будете?..

— Угу, — подтвердил Ива.

Яшка присел, посмотрел по сторонам, хотел было завывать, но Ива тихо и грозно предупредил:

— Только пикни.

— Я... я... — мямлил Яшка и вдруг выпалил: — Я средство для загара знаю... Если не будете бить, скажу... А если только тронете, не скажу.

— Ты нам мозги не заговаривай. — Ива взял Яшку за плечо и замахнулся.

— Постой, — остановил его Валерка, — может, и правда знает... Ты ж говорил, что мать у него доктор.

— Ну, — Ива приблизил кулак к Яшкиному носу, — выкладывай! Наврёшь — пожалеешь!..

— А с чего мне врать-то?.. Мне не с чего врать, — зашмыгал Яшка. — Скажите, что бить не будете.

— Не будем...

Яшка преобразился. Выпрямился, выставил ногу вперёд.

— Надо муравьиного масла достать... Мама одной пациентке рекомендовала; она натиралась и была чёрная, как сапог.

— Врёшь, — придвинулся к Яшке Валерка, — нету такого...

— Легче всего сказать «нету». — Яшка подбоченился. — А муравьиный сок есть?

Валерка вспомнил, как его учили сунуть в муравейник прут и потом слизывать с него кислые капельки муравьиного сока.

— Ну, есть.

— А муравьиный спирт есть?..

— Тоже есть, бабушка ноги от ревматизма натирает.

— Видал? Значит, и масло есть.— Яшка показал большим пальцем в сторону дома.— Хочешь, завтра у моей мамы спросим?..

Ива молчал всё это время.

— У нас есть кого спросить,— сказал он внушительно.— Давай проваливай. И помни: пожалуешься — пропал. Непременно отлупим.

Яшка закивал, растянул рот в ухмылку и вприскокку помчался к дому. Ива повернулся к Валерке.

— Я у Марины насчёт масла спрошу. У неё высшее образование, институт имени Репина!.. Как-нибудь побольше Яшкиной матери знает. Пойдём! — Он подтолкнул Валерку.— А Яшке надавать мы всегда успеем.

* * *

«Клан, клан...» — щёлкало радио. Звуки пробивались в уши неторопливо и настойчиво, как капли, падающие одна за другой. Эти щелчки, наверно, специально придумали, чтобы помешать людям видеть сны. Ведь никто ещё не досмотрел сон до конца и никто в целом свете не знает, чем сны кончаются.

Валерка видел сон, как они с Ивой отправляются на лодке в далёкую страну Ленкорань. Яшка Ушастик бегаёт по берегу на четвереньках и жалобно скулит — просит, чтобы его взяли в лодку.

«Клан, клан!» — кричат над водой чайки. По морю бежит серебряная дорожка до самой Ленкорани.

«Клан, клан!..»

Валерка открыл глаза. Бабушки в комнате не было. Весёлые обои с голубыми цветочками пылали яркими солнечными пятнами, будто солнце просвечивало сквозь стены. Валерка повернулся на другой бок, но спать уже не хотелось. Он вылез

из-под одеяла, помахал руками, поприседал немного, взял полотенце и пошёл к умывальнику.

На улице было ветрено.

Валерка плескал холодную воду себе на лицо и фыркал. Мимо с полотенцем через плечо прошла Марина. Она весело подмигнула Валерке, сказала:

— Пойдём на море, я тебя с песком потру — все веснушки пропадут.

Валерка надулся. Он хотел спросить Марину про масло, а она дразнится.

На своём окошке, свесив ноги, сидел Яшка. Он крикнул:

— Эй ты... Валерка! Ну, спрашивал?..

Валерка ничего не ответил, пошёл искать Иву.

Ивки не было ни в палисаднике, ни на поляне за домом. Только когда Валерка стал звать его, Ива высунулся из окна.

— Подожди,— сказал он,— мне сейчас некогда. Я тут кое-что уточнить должен... С научной точки.

Валерка подтянулся на руках, заглянул в Ивкино окно.

Стол в комнате был завален книгами. Книги лежали на кроватях, на стульях, на подоконнике. Будто люди здесь только тем и занимаются, что переходят с места на место и читают, читают все книги подряд... На стенах висели картины без рамок, недорисованные тоже висели. А одна, большая и красивая, стояла в углу, и на ней болталась белая Ивкина майка. Вообще если бы сюда заглянула бабушка, она сказала бы коротко: «Безобразие». А Валерке понравилось.

— Ладно,— согласился он,— уточняй, побыстрее только... Я тебе мешать не буду.

Кто не знает, как скучно жить на земле без товарища! И солнце не в солнце, и песня не в песню.

Валерка принимался то за одно, то за другое, а сам то и дело поглядывал на Ивкино окно: может, кончил Ивка уточнять?

— И чего ты маешься? — спрашивала у него бабушка.— Поди поиграй с Яшей: мальчик приличный, вежливый.

— Бабушка, ты не знаешь, есть муравьиное масло?

— Да, говорят люди... А тебе зачем? — Бабушка постукала

Валерку по лбу согнутым пальцем: — И когда ты только в себя придёшь?..

Ива появился на улице только после ужина.

— Ну, спрашивал у Марины?

— Спрашивал.— Ива потащил Валерку под куст акации и заговорщицким шёпотом объявил: — Есть... По-научному «муравьиный олеум» называется.

— Помогает?

— Помогать-то помогает, только его найти трудно...— Ива оглянулся по сторонам, словно боялся, что его подслушают.— Я всё уточнил. Муравьиный олеум можно достать только у очень больших муравьиных семей. Раньше считалось, что он имеется только в самом большом муравейнике во всём лесу. И ценилось это масло очень дорого, как амбра... Амбра — это такая смола; она накапливается в желудках старых китов,— пояснил он.— А муравьиному маслу в народе приписывали большие целебные свойства. Только найти его трудно очень... Тут выдержка нужна, упорство. У тебя есть упорство?

— Есть.

— Выдержка, смелость, упорство — без них исследователю нельзя.

Ивка замолчал. Стало слышно, как под горой шумит море. Тяжёлые валы бегут один за другим, словно надоело им носиться по пустынным морским просторам. Спешат волны к берегу, чтобы минутку отдохнуть, разостлавшись на мягком песке.

Валерка прислонился к Иве плечом. И вдвоём они рисовали себе всевозможные картины. Вот они крадутся в глухих дебрях, вспугивают задремавших в кустах лосей, дерутся с жадными, голодными волками. Находят гигантский муравейник, похожий на гору Казбек с папиросной коробки. А когда они, до полусмерти искусанные муравьями, добрались до густых комков таинственного масла, на крыльцо вышла Марина.

— Эй, полуночники! Может, вам постели сюда вынести?

Ночью Валерка слышал, как вздыхало и ухало море. Наверно, и морю бывает неудобно в его каменистом ложе, наверно, и оно ворочается с боку на бок, когда его одолевают разные мысли.

Следующий день был суббота. Бабушка с утра поджидала Константина Ивановича, шофёра с фабрики, который привёз их с Валеркой на дачу. Она надела тёмно-синий костюм с ордемом и белую шёлковую блузку. В костюме она становилась моложе. И её было даже неудобно называть бабушкой. Она поручила Марине следить за Валеркой в её отсутствие. А Валерке строго-настрого приказала сидеть на даче.

— Ладно,— сказал Валерка и пошёл собираться в лес. Нельзя же из-за бабушкиной прихоти срывать научное мероприятие.

Снарядились друзья по-походному: надели длинные штаны с резинками у щиколоток. Взяли хлеба. А Ива захватил перочинный ножик и тетрадку с карандашом.

— Сегодня в разведку пойдём. Ближайший лес обследуем... А может, и попадётся чего...

За домами лес был редкий. Старые сосны-исполины стояли далеко друг от друга. Между ними тянулись к солнцу красноногие сосенки-малыши. На усеянном иголками песке островками росла брусника. Изредка на полянах попадались молодые берёзки, кусты черёмухи и малины. Под каждым кустом, деревом и просто так валялись обрывки газет, пожелтевших от времени и совсем свежих, недавно брошенных. Пестрели обёртки конфет и прочий мусор, которым захламляют лес беспечные дачники и отдыхающие. Но чем дальше уходили ребята, тем суровее и красивее становилось вокруг. Встречались и муравейники, но маленькие, «слабенькие», как говорил Ива. Он тормозил прутиком муравьиную кучу, насекомые бесстрашно подбирались к его рукам, готовые отстаивать свой дом, ядовито кусались, падали в траву.

— Видишь, какие настырные... — восхищённо говорил Ива.— Вот тебе и разведка! Хоть с муравьями по-человечески познакомимся сегодня. Эти вот, наверно, травоядные... А есть ещё хищные... А есть муравьи-бандиты.— Ива бросил прутик, чтобы не мешал махать руками. Валерка уже давно подумывал: если завязать Ивке руки, он, наверно, говорить перестанет. А Ива уже вошёл во вкус. — Ты понимаешь, нападают

муравьи-бандиты на мирный муравейник и превращают в рабскую колонию. Победённые муравьи работают на них. А те так облениваются, что им даже жевать нет охоты. Муравьи-рабы разжёвывают пищу и кладут им в рот... Пойдём дальше. Вот бы разбойничий муравейник найти! В нём, наверно, и масло есть... Такие хапуги всё к себе небось тянут... А бывают муравьи, которые исключительно одним молоком питаются...

— Ври...

— Точно говорю... Они по всему лесу букашек — тлей — разыскивают, приносят их домой, в муравейник, сажают на корни растений и доят... У таких муравьёв целые тлиные фермы в муравейнике.

Валерка засмеялся. До чего чудно.

— Не веришь, да?..— горячился Ива.— Назовёшь меня Ушастиком, если вру... Точно говорю. Я про муравьёв всё уточнил... А масло на опыте проверим...

Вообще Ива много знал, и Валерка ему втайне завидовал. Но это было дело поправимое: почитать побольше — и всё. А вот загар!

Ребята ещё немного походили по лесу вокруг посёлка. Этот лес определённо не представлял никакого научного интереса.

Домой вернулись перед обедом.

На улице, у калитки, стояла фабричная «Победа».

— «ЛД 46-71»,— прочитал Ива номер.

— Это Константин Иванович за моей бабушкой приехал.

Лак на «Победе» блестел, и где-то в глубине, как в зеркале, двигались отражения друзей. В «Победе» кто-то сидел.

Валерка подошёл к дверце и заглянул внутрь.

Парень в теннисной рубашке и белых брюках вставлял ключ зажигания... Он торопился и никак не мог попасть.

— А Константин Иванович где? — спросил Валерка.

Парень вздрогнул, повернулся порывисто, но, увидев ребят, проглотил слюну; кадык его скакнул вдоль жилистой шеи.

— А-а,— выдавил он и вытер лоб ладошкой,— Константин Иванович? Он пошёл прогуляться.

Ива нагнулся к Валерке:

— Помнишь, когда Яшку лупить хотели...

Теперь и Валерка вспомнил, где он видел этого парня... Ночью, на тропинке, с буфетчиком.

— Вы что тут делаете?

Парень посмотрел поверх ребячьих голов и стал медленно, задом, вылезать из машины.

— Это спидометр,— говорил он громко.— Им скорость и километры измеряют... А это рычаг перемены скоростей...

Ребята оглянулись. От дома шли Константин Иванович и бабушка.

— Вот ребятам устройство машины объясняю,— улыбнулся парень Константину Ивановичу.— Любопытный народ...— Он легонько пошлёпал Валерку по плечу.— Попросят: объясните, а то Константин Иванович нам ничего не рассказывает.

— Ну и врёт,— оторопело сказал Ива.

Парень наклонил голову, а по лицу его разлилось такое выражение, словно он на Невском вдруг встретил гиппопотама.

— Как это врёт? — наконец сказал он.— Просили, умоляли... Ну и ну! Маленькие ещё, а уже такое бесстыдство... Это ваши, что ли? — спросил он у бабушки.

— Конечно, врёт! — крикнул Валерка.

— Ну, знаете...— Парень гордо задрал голову с длинным крючковатым носом и возмущённо направился вдоль улицы.

— Где ты пропадал? — напустилась на Валерку бабушка.— Чего в машину полезли ковыряться?..— И не будь на ней синего костюма с орденом, ох и досталось бы Валерке прямо на улице!

— Да ладно, Катерина Николаевна,— заступился за ребят шофёр.

— Что значит «ладно»? У такой заслуженной бабушки такие внуки... Распустили...— У калитки стоял буфетчик. Никто не видел, как он подошёл.— С этими ребятами надо очень серьёзно поговорить... Представьте, они у меня в буфете столы принялись ломать.— Буфетчик улыбнулся и с ласковым укором добавил: — Ай, ай, молодые люди, нехорошо!

Бабушка гневно посмотрела на буфетчика: она не любила людей с такими вкрадчивыми голосами и фальшивыми улыбками. Потом повернулась к Валерке:

— Вот ты чем занимаешься! Я ещё с тобой поговорю завтра... А ты, Ива, не смей его брать с собой! О тебе я с Мариной тоже побеседуем...

Бабушка сердито залезла в машину и отвернулась.

— Ничего, утрясётся,— шепнул ребятам Константин Иванович, сел на своё место, и машина плавно покатила по дороге.

Ребята долго не могли прийти в себя от такого неожиданного поворота дела. А на следующий день, не дождавись бабушки, ушли в лес. Семь бед — один ответ, а особенно если эти беды незаслуженные.

* * *

Лес встретил ребят, как старый знакомый.

— Где мы вчера разведку делали, не пойдём; пойдём сразу в глубину,— предложил Ива.

Так они и сделали. Лес был тихий, словно задумался о чём-то, и светлый — весь в солнечных пятнах. Скоро дорогу им преградил большой глубокий овраг.

— План чертить надо.— Ива сел на пень, положил на колени тетрадь. Дачный посёлок он назвал Землёй разочарований. Замусоренный лес, прилегающий к посёлку,— Лесом браконьеров.— Это такие люди,— объяснил он Валерке,— которые лесных богатств не берегут.

Валерка согласился с обоими названиями; особенно понравилась ему «Земля разочарований». В этом названии было что-то грустное и соответствовало его настроению.

— Давай овраг назовём Яшкиной могилой! — предложил он.

— Овраг ещё обследовать надо...

Цепляясь за ветки кустов и хрупких стройных осинок, друзья спустились на дно оврага. Вот тут была красота! Больших деревьев в овраге нет, зато, как посмотришь вверх,— голова кружится... Сосны уходят к самым облакам. Вообще сосны страшные гордычки, они так высоко задирают свои макушки, будто им и дела нет ни до кого. Нет, Яшкино имя было недостойно такой красоты. Ребята решили, что первое попавшееся болото они уж непременно назовут Яшкиной могилой.

По дну оврага бежала узенькая тропка. Приятели заметили сосну, возле которой спустились в овраг. Потом пошли по тропке. Не успели они прошагать и десяти минут, как Валерка остановился и быстро отскочил назад. На большом замшелом валуне лежала свернувшись чёрная змея.

— Чего ты испугался?.. Убить её надо — и дело с концом...— Ива срезал два гибких прута, один дал Валерке.— Эту пресмыкающуюся надо отстегать, и она подохнет,— не любит...— Заметив, что Валерка робеет, он крепче зажал свой прут в руке.— Перуанский способ... Верный!.. Смотри! — Ива подошёл к камню и стегнул что есть силы по змее. Но вместо того, чтобы сдохнуть, змея метнулась в сторону с такой быстротой, что ребятам даже почудился свист.

— Не по тому месту попал,— засмеялся Ива.— Ну не беда, зато теперь мы назовём этот овраг Оврагом разъярённых змей.

— Почему разъярённых? Просто Змеиным оврагом.

— Нет, просто не интересно... А потом, змея сейчас сообщит своим подружкам, что на неё напали, и те тоже рассердятся.

— Ладно,— согласился Валерка, — пиши.

Ива записал в свою тетрадку название оврага, начертил план, и они поспешно выбрались из этого опасного места.

Сосны на другой стороне были ещё выше, но стояли реже. Между ними попадались берёзы и толстенные осины. На полянках росли пышные колонии иван-чая и высокой травы с метёлками на концах. Этот лес ребята называли Лесом больших осин. И муравейники здесь были больше, чем в первом лесу. Ребята почувствовали это ещё и потому, что им в брюки каким-то образом набились муравьи. Если бы на брюках не было резинок, муравьи повывлазили бы спокойно и разбежались по своим домам-муравейникам. Но резинки их, видимо, смущали. Они вообразили себя в плену и начали безжалостно кусать ребячьи икры.

— Наверно, настоящие охотники за муравьиным маслом всегда ходили в широких брюках,— бормотал Валерка, сняв штаны и вытряхивая из них зловредных букашек.— По-настоящему этот лес нужно назвать Лесом кусачих муравьёв.

Потом они легли отдохнуть под дерево. Ива положил голову Валерке на живот и потягивался.

«Эх, видел бы нас сейчас Яшка,— думал Валерка,— позеленел бы от злости!.. Наверно, сидит дома, за мамкин халат держится и какую-нибудь гадость про нас сочиняет».

— Вот достанем масло,— заговорил Ива,— исследуем: может, оно большое значение имеет, может, им людей лечить можно...

— Тс-с...— остановил его Валерка.— Слышишь?

Ива прислушался... Ему показалось, где-то фыркнула машина, потом раздались приглушённые голоса и удары металла о металл.

— Может, у кого машина сломалась, помочь надо...— Он вопросительно посмотрел на Валерку и вскочил на ноги.— Пойдём!

Друзья быстро пошли на звук. Он вводил их влево, в заросли молодого осинника.

* * *

После того как ребята ушли в лес, в палисаднике появился Яшка. Он написал палкой на дорожке: «Ивка и Валерка — два дурака», равнодушно поплевал в клумбу и с независимым видом зашагал на улицу. Яшка чувствовал себя героем. Не так-то просто выжить двух дружных мальчишек из посёлка. Что они теперь будут каждый день пропадать в лесу, Яшка не сомневался. Он поклонялся по улице, понаслаждался свободой и безопасностью,— никто не выскочит из-за угла, не набросится на него с кулаками. Потом направился к морю. Там он ещё ни разу не был без провожатых.

Не нужно календаря, чтобы угадать воскресенье. В этот день пляж похож на пёстрый лоскутный ковёр. Разноцветные полотенца, зонтики, яркие купальные костюмы. А люди!.. И коричневые, и бронзовые, и красные, и белые, как Валерка. Всюду играют в мяч, бегают, кувыркаются. Визга и смеха — хоть уши затыкай. А море прямо кипит от купающихся. У самого берега полощутся серьёзные карапузы, дальше — скачут и ныряют ребята постарше. Они залезают друг другу на спину

и плюхаются оттуда во взбаламученную воду. Взрослые плавают всякими красивыми стилями у самой спасательной лодки,— дальше их не пускают. Разве иногда какой-нибудь спортсмен вырвется за запретную черту, проплывёт быстрым кролем, поднимет пенистый бурун и растает в волнах. Нет, не утонет, конечно... Но поди-ка разгляди его, так он далеко заплыл.

Яшка пробирался между загорающими к воде, ревниво поглядывал на ребят и отмечал про себя с удовлетворением: «У меня велосипед лучше. И зачем, чудак, его на пляж притащил? В подшипники песок набьётся... А мяч-то кирзовый...» У самой воды Яшка разделся, аккуратно сложил рубашку и вежливо попросил какую-то тётеньку покараулить... Купался он недолго. Одному даже на море скучно. А когда возвращался, встретил шофёра Константина Ивановича. «Должно быть, Валеркина бабушка из города приехала».

Шофёр в одних трусах бежал к воде. Его «Победа» стояла неподалёку, под сосной. Яшка на всякий случай отвернулся, а то ещё скажет матери, что он один на море был... Но шофёр не обратил на него никакого внимания — видно, торопился очень.

Яшка подошёл к «Победе», посмотрелся в зеркальный лак, остался доволен. Выпятил грудь, заложил руки за спину.

У буфета толпился народ. Вдруг буфетчик объявил, что всё кончилось. Вышел из своего ларька и стал навешивать ставни. Народ загалдел, придвинулся к буфету.

— Товарищи, отойдите! — кричал буфетчик. — Ухожу за товаром... Вы не меня ругайте — начальство... А я человек маленький. Было — торговал, нет — и суда нет...

Из-за столика перед ларьком поднялся долговязый парень с крючковатым носом.

— Хорошая машина? — спросил он у Яшки.

— Ничего... Только «ЗИМ» лучше...

— Ничего ты не понимаешь, — усмехнулся парень. — Машина — первый сорт... Мечта поэта... Ты знаешь, что это новая марка? «Победа-бис»... Была и сплыла, — объяснил он всё с той же усмешкой. — А ну-ка посмотри, сколько у неё сзади колёс.

Яшка обошёл машину, нагнулся и только хотел крикнуть: «Два!» — как машина стрельнула ему в лицо облаком ядовитого дыма.

— Вы куда? — заорал ошеломлённый Яшка. — Зачем вы чужую машину трогаете?..

Но «Победа» уже вырулила на шоссе и, быстро набрав скорость, скрылась из вида.

Яшка растерянно смотрел ей вслед. Ему вдруг захотелось домой, к маме...

По пляжу, обходя людей, толпившихся у буфета, шёл Константин Иванович. Увидев, что машины под сосной нет, он остановился, оглянулся, беззвучно, как рыба, хлебнул воздух и бросился к Яшке:

— Где машина?

— Я-я...

К ним подошёл буфетчик. Яшка заметил, что он взял себя за подбородок и приложил к губам тонкий белый палец.

— Я-я... Не видел... Говорю — не видел! — заревел Яшка.

— Зачем вы ребёнка пугаете? — вмешался буфетчик. — Что он, обязан за вашими машинами смотреть?.. На это милиция есть. — Он взял Яшку за руку и повёл его через шоссе домой. — Правильно ты ответил, — говорил он. — Кто много видит, тот мало живёт... Эх, если бы я говорил всё, что вижу, меня бы уже давно — буль-буль. — Буфетчик поднял руки к горлу и закатил свои маленькие бесцветные, как клейстер, глаза. — А маме передай... Я достал ей замечательную шерсть... Бесподобный цвет...

— Ничего я не видел, — повторял Яшка, шагая по ступенькам деревянной лестницы в посёлок.

Буфетчика рядом с ним уже не было.

* * *

Заросли ольшаника становились всё гуще и гуще. Осторожные удары и звяканье слышались явственнее с каждым шагом.

— Зачем тут в лесу машина? — гадали Ива с Валеркой. — Может, лесозаготовки?..

Кусты раздвинулись внезапно, и ребята чуть не наскочили на задний никелированный буфер «Победы». Рядом валялся отвинченный номер — «ЛД 46-71».

Из машины вылез мужчина с ворохом одежды в руках.

Ива схватил Валерку и быстро затащил обратно в кусты.

— История...— зашептал он ему на ухо.— Смотри, номер Константин Ивановичей «Победы»... И «Победа» его.

— И одежда его,— пробормотал Валерка,— во, этот несёт...

— Буфетчик!..

— А может, и Константин Иванович здесь?

Ива не ответил. К багажнику машины подошёл уже знакомый ребятам парень в теннисной рубашке с «молнией». Он поднял с земли номер, постоял, пощёлкал по выпяченной губе пальцем и сказал через плечо:

— Запрячь номер и шофёрское барахлишко куда-нибудь подальше...— Парень бросил номер буфетчику.

Тот подобрал, прижал им сверху одежду и понёс. Когда он вернулся и занялся какими-то бумагами, Валерка подвинулся ближе к Иве:

— Они, наверно, убили Константина Ивановича, а машину украли...

Ива лежал, покусывая травинку. Парень подошёл к багажнику, стал привинчивать к машине новый номер — «ЛЕ 87-42».

— Сергей, дай-ка сюда документы.

Буфетчик показал бумаги, которые только что разглядывал.

— Роскошно, как в Гознаке, сделаны...— Долговязый ткнул пальцем в одну из бумаг.— Фамилию владельца впишем, когда Ступак приедет. Ты сейчас в свою контору пойдёшь?

Буфетчик кивнул.

— Ага, надо оправдаться, почему ларёк закрыл... Скажу — с желудком неважно... Заболел...

Парень тихо засмеялся.

— Зайди заодно в аптеку, позвони в город, пусть Ступак приезжает часам к девяти — раньше не управимся. Да не забудь напомнить, чтобы деньги вёз... А я пока на моторе номера исправлю,

Буфетчик сунул свои бумаги в карман и скрылся в кустах.

Парень достал ящик с инструментом, открыл капот машины и начал орудовать напильником.

— Айда в милицию! — потянул Ива Валерку и задом стал выползать из кустов.

Машина сразу же скрылась, только металлическое повизгивание напильника напоминало, что она где-то здесь, рядом.

Наконец ребята встали на ноги и, пригибаясь, помчались по тропке. Валерка, бежавший за Ивой, споткнулся, боднул головой товарища.

— Под ноги смотри, — зашипел тот.

Но тут они оба покатались вниз, ломая кусты и сучья. Ива больно ударился спиной о камень, Валерка в кровь рассадил колено... Это был тот самый валун, который попался им в Овраге разъярённых змей. Валерка поднялся и первым делом посмотрел, нет ли на камне змеи.

— Змейка, стегать не будем, — бормотал он, а Ива уже тянул его дальше.

Вот и высоченная сосна, около которой они спускались в овраг... Осталось только пробежать замусоренный лес, посёлок и спуститься на шоссе к остановке автобуса.

* * *

Автобус забрал пассажиров и, урча, тронулся с места.

— Остановите!.. Ну остановите же! — закричал Ива, колотя в дверцу водителя.

Валерка подбегал, прихрамывая.

Дверца, заскрипев, отворилась и тут же захлопнулась, как створки ракушки. Но ребятам и этого было достаточно. Они вскочили в автобус и только тут сообразили, что у них нет денег. А кондукторша, улыбаясь, ждала, когда неожиданные пассажиры уплатят за проезд.

Автобус шёл от Чёрной речки до вокзала, мимо санаториев, домов отдыха, аптеки, базара и универсального магазина.

Курортный городок был довольно большим, и ребята не знали, где находится милиция. Пока они шарили по карманам,

кондукторша терпеливо ждала, но, когда они принялись за это занятие по второму разу, она нахмурилась:

— Хватит мне голову морочить... Проехали остановку — и спасибо за компанию...

— Чему их только в школе учат? — возмутилась пожилая гражданка с огромной клетчатой сумкой.

Ребята растерянно переминались с ноги на ногу. Если бы кондукторша знала, зачем они едут в город!.. Она бы и слова не сказала... И, может, даже разрешила бы сесть на детские места... У Валерки так саднило и ныло колено...

— А если мы по важному делу, — сказал он, умоляюще глядя на кондукторшу.

Ива молчал. Но по его лицу было ясно, что из автобуса его могут выставить только мёртвым.

Кондукторша поднялась со своего места.

— Знаем мы ваши дела... Вот сдам сейчас милиционеру.

Автобус затормозил на остановке. Ребята, насупившись, стояли у раскрытых дверей, но не выходили.

Кондукторша не на шутку рассердилась.

— Марш из машины! — закричала она. — Что я вам, девочка, что ли? — Она хотела их вытолкать, но Ива уцепился за металлическую стойку и сказал решительным голосом:

— Не имеете права выталкивать. Нас нужно сдать либо милиционеру, либо контролёру, мы нарушители.

В автобусе засмеялись. Кто-то сказал:

— Да оставьте вы их в покое — может, ребятам на самом деле по важному делу нужно.

— На базар: у торговков землянику красть...

Автобус уже ехал дальше. И ребята могли спокойно оглядеться. Они посмотрели в угол, откуда раздалась ехидная реплика, и вздрогнули. Там сидел буфетчик. Его тонкие губы растянулись в злую усмешку, обнажив желтоватые зубы, большие и крепкие.

— У них что ни день, то новый фокус. И куда родители смотрят? — продолжал буфетчик.

— Что вы, — вмешался полный мужчина в соломенной шляпе, — этак всех ребят в жуликов превратить недолго... Мало

ли у них дел... Плохо, что мы очень скоро забываем своё детство. Сколько с ребят? — спросил он у кондукторши.

Кондукторша посмотрела на него так, словно он наступил ей на ногу.

— Не вмешивайтесь не в своё дело, гражданин,— заявила она.— Сейчас у аптеки я их высажу и сдам милиционеру.

— Зачем злобствовать? — Мужчина протянул кондукторше трёхрублёвую бумажку.— Ну нет у ребят денег, потеряли, может...

— Не заступайтесь за них,— снова заговорил буфетчик.— Вы их не знаете, а я знаю... Они у меня столы в буфете ломали... В чужую машину залезли... Детей, которые послабее, бьют... А вы говорите.

Мужчина неуверенно посмотрел на ребят и спрятал свои деньги в карман.

Автобус остановился около зелёного дома с большой вывеской «Аптека»... Неподаляку виднелось красивое здание школы с громадной каменной лестницей и белыми колоннами.

— Вон какие для них школы построили, только учись... А у них приключения на уме,— буркнул буфетчик и неторопливо вышел из автобуса.

Кондукторша, высунувшись из окна, засвистела.

К машине подошёл милиционер.

При виде милиционера кондукторша немного оттаяла, даже улыбнулась слегка.

— Василий, возьми этих бездельников-безбилетников. Все нервы из меня вытянули, не хотят выходить — и всё тут.

— А ну, слезайте, молодые люди! — приказал милиционер.

Ива и Валерка не заставили себя долго упрашивать. Ива нагнулся и из-под машины посмотрел, куда пойдёт буфетчик. Тот направился в аптеку.

«Звонить!»

Ива уцепился милиционеру за рукав и, оглядываясь, быстро заговорил:

— Ведите нас поскорее в милицию... Нам некогда. Очень срочно.

— А зачем я вас в милицию поведу? — засмеялся милиционер. — Я с вами и здесь рассчитаюсь. Вот сорву пучок крапивы и отхлещу по ногам... Или родителям штраф пришлю.

— Непременно в милицию, срочно...

— Ну, товарищ милиционер, — ухватил его за другой рукав Валерка.

— Да что вы, обалдели, что ли?

Ива упрямо мотнул головой.

— Не хотите вести, сами пойдём... Этот гад может увидеть...

Милиционер ещё раз внимательно оглядел ребят. Видно, их встревоженные лица его убедили.

— Ладно, — серьёзно сказал он и громко добавил: — А ну, пойдёмте!..

Прохожие оглядывались на ребят, идущих в сопровождении рослого милиционера... И кто знает, что они думали!

* * *

В дежурной комнате курортного отделения милиции папиросный дым ходил туманными космами в несколько слоёв. Особенно густо стелился он над барьером, отгораживающим стол оперативного дежурного.

Посетителей не было.

За барьером сидел молоденький лейтенант, курил, смотрел в окошко и, наверно, мечтал о подвиге... Он так сурово сдвигал брови и так старался, чтобы на скулах его играли желваки — признак решительности и силы характера.

Когда милиционер ввёл ребят, лейтенант повернулся, воткнул папиросу в пепельницу с такой силой, что она захлебнулась в собственном дыму и тут же погасла.

— Чего, опять стекло расколотили? — Лейтенант зевнул, поиграл желваками на скулах. Весь его вид как бы говорил: «Ох, до чего же надоели эти мелочи жизни!»

— Товарищ лейтенант, — козырнул милиционер, — ребята тут что-то сообщить хотят... По дороге просили обязательно к начальнику доставить.

Брови лейтенанта полезли вверх, он небрежно откинулся на спинку стула:

— Ну?

В эту самую минуту открылась дверь с табличкой: «Начальник милиции».

— Только окунулся разок, и как сквозь землю провалилась... — говорил чей-то взволнованный голос.

— Не волнуйтесь, сейчас примем меры, — перебил уверенный баритон, и из кабинета вышел высокий широкоплечий капитан. Оглядев ребят, он сказал лейтенанту: — Товарищ Рукавичкин, зайдите ко мне.

— Дядя Костя! — закричал вдруг Валерка.

— Константин Иванович! — подхватил Ива и бросился в кабинет начальника.

— Куда? — Милиционер расставил руки.

Валерка увернулся и вслед за Ивой вскочил в кабинет начальника. Там, перед письменным столом, сидел шофёр Константин Иванович. Он стыдливо поджимал под себя голые ноги. Кроме сатиновых трусов, на нём ничего не было.

— Константин Иванович, мы вашу «Победу» нашли! — выпалили в один голос ребята.

Константин Иванович соскочил со стула.

— Где? — Он схватил ребят за плечи и тряс, не давая говорить ни слова. Он бы, наверно, ещё долго тряс их, если бы не вмешался капитан.

— Спокойнее, вы у ребят всю память вытрясете.

Константин Иванович опустился на кончик стула, готовый по первому приказу бежать разыскивать свою машину. Он нетерпеливо поглядывал то на ребят, то на начальника. А тот улыбнулся ребятам: мол, выкладывайте.

— Ну, машина, — начал Валерка, — в лесу... Они номер оторвали и приделали другой... А этот буфетчик побежал звонить Ступаку...

— Кто оторвал, кто побежал? — перебил его капитан.

Ива выступил вперёд и рассказал всё по порядку.

— Только быстрее надо, — закончил он, — а то приедет этот Ступак — и поминай как звали.

Константин Иванович снова сорвался со стула.

— Где она стоит? — переспросил капитан.

— За Оврагом разъярённых змей... Здесь всё помечено.— Ива протянул начальнику свою тетрадь.

Капитан посмотрел исчерченный листок, повертел и так и сяк.

— Ничего не пойму... Что это за Земля разочарований?

Лейтенант и милиционер, вошедшие в кабинет начальника, усмехнулись.

— Они вообще малость шальные,— доложил начальнику милиционер.

— Игрушечки,— добавил лейтенант.

— Ничего не шальные,— сказал Валерка.— Это посёлок дачного треста, который у Чёрной речки.

— А-а-а...— протянул капитан,— понятно... Ну, а что вы делали,— он посмотрел в тетрадку,— в этом, в Лесу толстых осин?..

— Муравьиный олеум искали... Для загара который...

— Муравьиное масло, значит.— Ресницы капитана дрогнули. Он к самому лицу поднёс Ивкину тетрадку.— Ну и наши? — спросил он немного погодя.

— Товарищ капитан,— вмешался Ива,— тут оперативность нужна... Аллур — три креста!

* * *

По шоссе, в сторону Чёрной речки, мчались машины: синяя с красной полоской «Победа» и полуторка с небольшим зелёным фургоном. В «Победе» сидел капитан, Константин Иванович и ребята. Константин Иванович был одет в большие, не по росту, милицейские галифе и белую гимнастёрку.

— В город возвращался, твою бабушку привёз... Искушаться захотелось,— рассказывал он ребятам.— Только окупился — и всё, как корова слизнула... Я туда, сюда...

Машины промчались мимо дачного посёлка, свернули на песчаную просёлочную дорогу и остановились на полянке под тенью запылённого придорожного ольшаника. Из полуторки выскочили три милиционера и лейтенант Рукавичкин.

Капитан повернулся к ребятам.

— Что ж, проводите немножко, а то мы заблудимся тут в вашем Лесу мародёров... Уж больно у вас карта неказиста.

— Браконьеров,— поправил Ива.

Они вылезли из машины.

В просвете между соснами, на горé, виднелся посёлок. Но идти туда капитан запретил. Ребята пустились в обход.

Солнце висело над самой водой. Сверкающие блики на море гонялись за синими колеблющимися тенями.

«Часов восемь, наверно»,— подумал Ива.

Валерка глянул на посёлок. Он представил, как встретит его бабушка... Но приказ есть приказ! Лучше не думать, почему животы стали такими лёгкими... Вот если бы они ещё не урчали так жалобно и уныло...

Скоро ребята вошли в знакомый замусоренный лес.

Милиционеры шли тихо. Только капитан иногда спрашивал, много ли в лесу муравейников и какого цвета муравьиное масло. Когда все потихоньку спустились в овраг, капитан остановил ребят и посмотрел на Ивкин план.

— Говорите, лесом идти надо, всё время левой?.. Значит, вдоль оврага?

— Точно,— кивнул Ива.— Там кусты будут густые, вот в них и есть.

Капитан что-то сказал лейтенанту Рукавичкину. Тот с милиционерами и Константином Ивановичем полез вверх.

— Ну, а вы марш домой... Я на обратном пути заеду, проверю.— Капитан потрепал ребят по вихрам.— А масло ищите. Оно и правда помогает во многом... Только найти его трудно, да вы парни стоящие, отыщете.— Он быстро забрался на противоположный склон оврага и, махнув ребятам рукой, скрылся за соснами.

Ребята постояли немного, хотели уж поворачивать обратно.

— А вдруг они сопротивление окажут? — медленно проговорил Ива.

— А как же одежда Константина Ивановича и номер? — вспомнил Валерка.

Нет, идти в посёлок им было ещё нельзя.

Они посмотрели друг на друга и направились по тропинке вдоль оврага... Вот и большой камень-валун. У камня трава сорвана, словно здесь что-то катили. Ребята опустились на колени. В одном месте на песке чётко обозначался след шины.

— Мотоцикл!..

— Должно быть, Ступак на мотоцикле приехал.

Они не ошиблись. Мотоцикл стоял недалеко от камня, укрытый ветками и травой.

— Это он на всякий случай оставил... Мало ли, удирать придётся.— Ива раскидал ветки, начал копать в моторе.

Мотор был ещё горячим, его совсем недавно заглушили.

— Сломаем или бензин спустим?..

— Зачем ломать? — по-хозяйски ответил Ива. — Сломаешь — потом не починишь... Давай лучше на другое место откатим.

Мотоцикл оказался лёгким на ходу. Ребята столкнули его

со стойки и покатили в кусты под песчаный обрыв. Следы замели ветками.

— Полезли?..

Когда гуляешь по лесу, бездельничаешь или собираешь ягоды, лес кажется приветливым и даже весёлым. Он словно играет в прятки: то мигнёт красной земляничкой, поманит крепкой шляпкой гриба... Ищи! Засвистит замысловатой трелью, закукует... А где? Кто? Сам найди, догадайся. Но стоит заблудиться или попасть в беду, лес сразу станет страшным, надменным... Он будет смеяться, толкать в спину ветками, кричать над ухом дикими голосами и угрюмо гудеть: «Нет тебе дороги-и!» Чем ближе подползали ребята к краю обрыва, где, по их расчётам, за кустами стояла «Победа», тем тревожнее становился лес. Кусты беспрестанно вздрагивали, словно их раздвигала чья-то злая рука. Ветки трещали громко, как бы говоря: «Вот они!.. Нател!.. Берите!..»

Ребята часто останавливались, переводили дух.

* * *

На полянке около «Победы» торопливо расхаживал Ступак. Усы и толстый нос придавали его лицу воинственное выражение. Тёмная куртка с кнопками вместо пуговиц наглухо застёгнута. Серые мохнатые брюки заправлены в хромовые сапоги. Он осматривал машину, довольно щёлкал языком и сверкал чёрными глазами.

— Всё в порядке, — приговаривал парень в коломянковых брюках. — Не машинка — мечта поэта!.. Ты нам деньги — мы тебе документы, по всем правилам.

Буфетчик сидел на подножке машины и держался за карман пиджака... Никто из них не заметил, как из оврага высунулись две вихрастые головы с побелевшими от страха и любопытства носами.

— Добро, — довольно хмыкнул Ступак. Усы его поднялись, нос стал ещё толще. — Берите деньги, считайте... Ступак платит, когда знает, за что платить. — Он вытащил из кармана толстую пачку денег, сунул её буфетчику.

Тот начал судорожно, сбиваясь, пересчитывать сотни.

Парень в коломянковых штанах прищурился, привалился к машине. Буфетчик сосчитал деньги, половину отдал парню, другую половину закинул себе в карман, потом осторожно протянул Ступаку документы.

— Фамилию владельца сам поставишь,— небрежно процедил парень, и вдруг глаза его расширились; он дёрнул себя за ворот, словно ему сдавило горло...

Из кустов вышел капитан:

— Спокойно...

Пальцы буфетчика забегали по лацкану пиджака. Кажется, он бросится сейчас на капитана и вонзит в руку, зажавшую оружие, свои крепкие лошадиные зубы.

Вокруг машины уже стояли милиционеры.

Лейтенант Рукавичкин взял у Ступака документы, передал их капитану.

Ступак зарычал, глаза его сощурились, стали маленькими, как у дерущейся кошки. Когда лейтенант приказал буфетчику встать и начал вытаскивать у него из кармана деньги, Ступак вдруг сжался, резко толкнул буфетчика на лейтенанта и прыгнул в овраг.

* * *

Ломая кусты, Ступак спустился на дно оврага, подбежал к месту, где стоял мотоцикл... Но если бы он там и оказался, Ступаку не удалось бы его завести. На спину ему прыгнул Константин Иванович. Ступак стряхнул его с себя на землю, размахнулся здоровенным волосатым кулаком... но не ударил. Запястье его схватила другая рука, ещё более сильная, и прямо в лицо ткнулся чёрный ствол пистолета.

— Хватит, Ступак, вставайте!

Лейтенант Рукавичкин стоял над ним, широко расставив ноги. Гимнастёрка не скрывала узловатых мускулов, которые сделали широкие плечи лейтенанта покатыми, как у борца. Лицо побледнело, желваки не вздувались на скулах, но и без них было ясно — характер у Рукавичкина решительный и неустрашимый.

— Вы хорошо бегаєте, Ступак,— усмехнулся капитан, когда лейтенант и Константин Иванович привели беглеца к машине.— Вам бы спортом заниматься, а не машины воровать... Рукавичкин,— повернулся он к лейтенанту,— выедете с ними на просёлочную дорогу, это близко... Овраг разъярённых змей,— усмехнулся он.— Пересядете в оперативную машину, мою оставьте... Мы пешком. Вам вести придётся,— подошёл он к Константину Ивановичу.— Да, кстати, возьмите свою одежду...

Милиционер Василий, который привёл ребят в отделение, подал Константину Ивановичу узел с одеждой и номером машины. Через несколько минут машина, пригибая кусты, медленно тронулась по старому следу.

— Пойдёмте,— кивнул капитан оставшемуся с ним милиционеру.— Нам ещё в посёлок зайти нужно...

— А мотоцикл-то! — раздалось вдруг из кустов.

Ива и Валерка, исцарапанные, смотрели на капитана, раздвинув ветки. Вылезать совсем они боялись, потому что лицо капитана стало строгим.

— А ну, вылезайте!.. Я вам что велел делать?

— Так мотоцикл же...

— Какой мотоцикл?..

— Ну тот, Ступаков...

— Идёмте, мы вам покажем.— Ива потащил Валерку за рубаху, и они начали спускаться.

Капитан и милиционер лезли за ними.

Остановились на том месте, где Ступак повалил Константина Ивановича.

— Вот здесь у него мотоцикл стоял, а мы его дальше перекатили.

Мотоцикл вытащили из кустов. Капитан попробовал завести его. Он заработал с одного нажима.

— Хорошая машина.— Капитан посмотрел на ребят; глаза его уже не были сердитыми, а голос всё же не изменился.— Всё равно вы нарушили приказ!

— Шустрые ребята,— примирительно прогудел милиционер Василий.— Уж больно вы с ними строго, товарищ капитан.

Капитан велел ему идти к машинам:

— Я этих следопытов домой доставлю... Скажите там, чтобы моя машина в посёлок подошла. Какой номер дачи? — спросил он у ребят.

— Восемнадцать, товарищ капитан! — по-военному ответил Валерка.

* * *

На крыльце дачи стояли бабушка и Марина.

— Заблудились,— вздыхала бабушка.— Пропадут ведь мальчишки...

— Придут,— утешала её Марина.— Никуда они не денутся...— А сама тревожно поглядывала на лес.

С моря поднимался розовый пар. Солнце уже село.

Калитка отворилась. В неё поспешно вошла мать Яшки.

— Я вам говорила, что ваши ребята милицией кончат!..— заявила она злораднó.— Вот полюбуйтесь!..

При слове «милиция» бабушка села на крыльцо. Марина рванулась к отворенной калитке. На улице у дачи стоял мотоцикл. Капитан, легонько подтолкнув ребят, вошёл вслед за ними в палисадник.

— Здравствуйте,— улыбнулся он Марине.

Марина прижала к себе мальчишек:

— Что они натворили?

— У-у... такие дела!.. Хорошие ребята... Только пусть они сейчас идут ужинать, у них, наверно, животы подвело...

Ребята сидели за столом, с аппетитом ели подогретые бабушкой щи.

— Я весь день разогреваю, жду обедать,— приговаривала бабушка, подсовывая ребятам хлеб с маслом. Губы у неё подрагивали.— А они вон что... И не побоялись?

Глаза у ребят слипались. Сквозь дрёму они слышали, как капитан разговаривал на крыльце с Мариной. Иногда в разговор вклинивались визгливые восклицания Яшкиной матери.

— Терзайся,— проворчал Ива,— твоего любезного Сергея Петровича к ногтю!..

Загудела машина.

Марина ввела в комнату капитана.

— Ну, следопыты, до свидания! — Капитан протянул ребятам руку, потом засмеялся и сказал Марине: — А всё-таки найдут они этот муравьиный олеум.

— Только не теперь, — вмешалась бабушка. — Я их из дома не выпущу...

— Зачем же так строго?..

— Чего найдут?.. Какой олеум? — спросила Марина.

Валерка посмотрел на Иву. Тот наклонил голову.

— Ну, такой муравьиный продукт... — сказал он, — масло.

Капитан засмеялся ещё громче. Марина покачала головой:

— Ивка, Ивка...

А Валерка подумал: «Наверно, у каждого человека есть свой маленький недостаток».

Ребята проводили капитана до самой калитки.

С моря уже поднялся туман. Он висел близко, у самой деревянной лестницы, и был похож на призрачный, ещё неизведанный океан, манящий и таинственный.

Ребята смотрели на него и думали о чём-то своём... Позади них остановился Яшка в незастёгнутых сандалиях на босу ногу.

— Эй, вы!.. Вы правда бандитов поймали?..

Ребята даже не обернулись.

Тогда Яшка всхлипнул, отошёл в сторону и закричал:

— Ивка и Валерка — два дурака!.. Я вам всё про муравьиное масло наврал! — Он пустился бежать, но никто не ответил ему и никто за ним не погнался.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

МОРОЗ	3
ШУТКА	8
КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА	17
МУРАВЬИНОЕ МАСЛО	22

Для младшего школьного возраста

Погодин Радий Петрович

МУРАВЬИНОЕ МАСЛО

Рассказы

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерев*. Технический редактор *З. М. Кузьмина*. Корректоры *Э. Л. Лофенфельд* и *Э. С. Ульянова*. Сдано в набор 10/VI 1968 г. Подписано к печати 14/VIII 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 4. (Уч.-изд. л. 3,08). Тираж 300 000 экз. ТП 1968 № 188. Цена 11 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Отпечатано с матриц фабрики «Детская книга» № 1, Москва, на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 659.